

Народный батыр

ГЕРОИ И ПОДВИГИ

Загр. ф.

А. НУРКАНОВ

Народный батыр

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1962

О событиях, которым посвящена брошюра, и ее герое поэт Джамбул Джабаев писал:

Пою я про грозный шестнадцатый год,
И сразу припомнилось: в синих туманах
Пожар бушевал над родным Казахстаном,
И сразу я вспомнил, как смелый народ
Пошел на царя и на баев в поход,
Под знамя того, кто не трусил беды,—
Чапая казахского — Амангельды.

В книге казахского историка А. Нурканова рассказывается о герое казахского народа Амангельды Иманове — вожде национально-освободительного восстания в Казахстане в 1916 году и активном участнике борьбы за Советскую власть в 1917—1919 годах.

Отзывы и пожелания о брошюре направляйте по адресу: Москва, А-47, Миусская площадь, 7, Госполитиздат, редакция литературы по истории советского общества.

НАКОПЛЕНИЕ СИЛ

На тысячи километров раскинулись привольные казахские степи. Ярко-зеленые ранней весной, желтые, выгоревшие знойным летом, заснеженные зимой, они в любое время года дороги сердцу казаха. Для кочевника-скотовода степь была домом... Байские пастухи кочевали по степи, изнывая от жажды среди песчаных дюн, отдыхая от зноя в оазисах, коченея во время зимних метелей...

Самые плодородные долины рек Тургая и Жиланшика принадлежали баям, засушливые берега речушек Терисбутака и Дулыгалы заселяли жатаки [1]. Тяжела была доля этих людей: сохой и кетменем [2] обрабатывали они свои скудные участки земли, дававшие урожай, которого едва хватало на несколько месяцев. Бо́льшую часть года бедняки работали на баев [3] и биев [4]. Их дети, как только вставали на ноги, тоже батрачили.

Судьба жатака ждала и родившегося 3 апреля 1873 года Амангельды, сына Удербея из аула № 3, Кайдольской волости, Тургайской области [5]. День и ночь трудился Удербей, но так и не смог вырваться из тисков голода. Потеряв здоровье, он умер, когда сыну Амангельды не было еще и шести лет.

---

[1] Жатаки — бедняки.

[2] Кетмень — мотыга.

[3] Бай — богатый скотовод, крупный землевладелец, ростовщик, кулак.

[4] Биями у некоторых народов Востока называли чиновников, судей, военных.

[5] Тургайская область (ныне Кустанайская) — одна из четырех областей дореволюционного Северного Казахстана — занимала площадь 400 тысяч квадратных километров.

Редко пастушонку Амангельды удавалось бывать в ауле, но каждый свободный вечер он шел на вечеринку и, устроившись в самом темном углу, за спинами односельчан, затаив дыхание, слушал акына. Многие песни он запоминал, потом пел их своим сверстникам. Особенно любил Амангельды песню о путнике, заблудившемся в степи: путник уже пришел в отчаяние и готов был упасть на землю от усталости, но вдруг вспомнил народную мудрость: «Если ты потерял в степи дорогу — иди с народом: море не высохнет, народ не заблудится». Путник собрал свои последние силы и выбрался на дорогу. Впоследствии в трудные моменты жизни Амангельды часто вспоминал об этой легенде.

После смерти отца на руках матери, Калампыр, осталось трое детей: Бектепберген (Бекет), Амангельды и младший — Амантай. Много сил и энергии отдала трудолюбивая женщина, чтобы воспитать своих сыновей. Несмотря на бесконечную нужду, она старалась дать детям образование. Когда в 1881 году в долине Терисбутака появился мулла, мальчиков начали учить грамоте. Но только одному Амангельды удалось продолжить учебу. Братья вынуждены были пойти на заработки.

Четыре года проучился Амангельды у муллы. Способный и любознательный, он легко усваивал премудрости трудной арабской грамоты, стал свободно читать на тюркском и арабском языках. Но не мулла оказывал главное влияние на маленького Амангельды. В раннем детстве советчиком и воспитателем его был дядя Балык. Большой знаток сказок, пословиц, поговорок, народного эпоса, он рассказывал племянникам и о жизни батыров [1]. От дяди Амангельды впервые услышал о батыре Срыме Датове [2]. Пленили воображение мальчика и рассказы дяди об Исатае Тайманове и акыне Махамбете Утемисове [3]. С волнением слушал Амангельды рас-

---

[1] Батыр — богатырь, герой.

[2] Большинство казахских племен приняло российское подданство в 30-х и 40-х годах XVIII века. Трудящиеся казахи по призыву Пугачева выступили в 1773—1775 годах против царских войск. Батыр Датов возглавил восстание казахских трудящихся против хана, султанов и царских властей в 1783—1797 годах.

[3] Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов возглавили массовое крестьянское восстание против феодального и колониального гнета в 1836—1837 годах в районе между Волгой и Уралом.

сказы о подвигах своего деда Имана, принимавшего участие в одном из крестьянских восстаний.

Амангельды рос и мужал в эпоху, когда жизнь казахских трудящихся стала тяжелее, чем в прошлые столетия. В Казахстане развиваются капиталистические отношения. Баи все шире применяют наемный труд. Тысячи обедневших скотоводов уходили на появившиеся здесь рудники, заводы, нефтепромыслы, строительство железной дороги, в батраки к баям. Как бедняки, не имевшие скота, так и баи, тянувшиеся к наживе, стали переходить к земледелию. Земля обрабатывалась примитивно, давала низкие урожаи. Царское правительство, особенно в начале XX века, в связи с массовыми крестьянскими восстаниями в малоземельных губерниях Центральной России, усилило переселение русских крестьян в казахские степи. Только в 1906—1910 годах на территорию Тургайской и соседних Уральской, Семипалатинской и Акмолинской областей было переселено более 740 тысяч человек. С 1906 по 1915 год у коренного населения было изъято 17 миллионов десятин земли.

Огромные страдания приносили кочевнику-скотоводу и стихийные бедствия — болезни скота, неурожаи трав, частые гололедицы (скот круглый год находился на подножном корму).

Феодалы, сосредоточившие в своих руках почти весь скот и лучшие земли, содержали свои стада на хороших пастбищах, эксплуатировали обедневших кочевников под видом «родовой помощи». Бедняк вынужден был обращаться к богатому сородичу-баю, который давал ему коров для пользования молоком, баранов для пользования шерстью, лошадей для перекочевки и пахоты и т. д. За эту «помощь» бедняк должен был работать на бая, не получая никакой платы. Уйти от бая бедняк зачастую не мог, так как он был не в состоянии отдать взятый во временное пользование скот — этот нередко единственный источник существования большой семьи.

Вот и вдове Қалампыр с каждым годом становилось все труднее. Амангельды пришлось бросить учебу и пойти работать к баю Қоржыну, который оказывал матери ничтожную «помощь»: предоставлял во временное пользование то лошадь, то корову.

В 1886 году в Тургайскую степь пришла страшная засуха. Чтобы дети не умерли от голода, Қалампыр зарезала одну из двух коров. Но как прожить с одной коровой? И 15-летний Амангельды летом пас овец бая Байсакалова, а зимой наравне со взрослыми батраками расчищал снег и выполнял другие тяжелые работы. Трудолюбивый юноша, замечательный исполнитель народных песен, Амангельды пользовался большим уважением среди таких же, как он, батраков. Алибей Джангильдин[1] так рисует юношеский образ своего лучшего друга и земляка Амангельды Иманова:

«Он был очень подвижный, жизнерадостный, любил повеселиться в обществе друзей и сверстников. Любил верховую езду, ему доставляло большое удовольствие скакать на необъезженной, норовистой и резвой лошади или пробовать свою ловкость в сбрасывании с седла «противника». Он был страстным охотником и метким стрелком. Любил красивые мелодии, содержательные песни.

С юношеского возраста Амангельды был крепким, как булат, и остер, как алмаз. Ему были присущи характерные черты отважного батыра с сильной волей. Будучи мальчиком, Амангельды смело брался за такие дела и доводил их до конца, которые были порою не под силу даже взрослому мужчине... В его темных глазах загорались грозные огоньки, и Амангельды самым решительным образом заступался за обиженного, как бы ни был силен обидчик».

Впервые резко выступил Амангельды против несправедливости бая Байсакалова.

---

[1] Алибей Тогжанович Джангильдин (1884—1953) — активный участник борьбы за установление Советской власти в Казахстане, член Коммунистической партии с 1915 года — руководил вместе с Амангельды Имановым восстанием казахов в Тургайской области. В ноябре 1917 года Совнаркомом РСФСР был назначен чрезвычайным военным комиссаром Тургайской области, а затем всего Степного (Казахского) края. В 1918—1920 годах руководил работой по мобилизации трудящихся казахов на борьбу с Дутовым и буржуазными казахскими националистами. В 1920 году избран заместителем председателя Президиума ЦИК Казахской АССР. С 1938 года — член Президиума Верховного Совета Казахской ССР, с 1951 года — заместитель председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР.

Кончился срок найма. Амангельды попросил хозяина отпустить его домой и дать полный расчет. Но Байсакалов задумал обмануть наивного юношу.

— Дома тебе делать нечего, перевезешь наше хозяйство с зимовки на весенние пастбища, тогда и отпущу тебя, за труды уступлю одного ягненка.

Амангельды согласился на дополнительную работу, ожидая дополнительной оплаты. Но хитрый бай обманул батрака, умолчав, за какие труды он даст ягненка. Когда наступил срок расчета, бай дал батраку за год работы лишь ягненка, притворился, что забыл о прежнем уговоре. По уговору же бай кроме ягненка должен был за годичный труд дать жеребенка, пару белья, переда и подошвы для сапог.

Амангельды решил наказать бая за жадность и несправедливость. Оседлав байскую лошадь и прихватив одного барана, он ускакал домой.

В дореволюционном казахском ауле это рассматривалось как невиданно дерзкий поступок. Зашевелилась вся родовая знать. На помощь баю поспешили управитель и бий. Они заставили Амангельды возвратить хозяину лошадь и барана.

Чтобы как-то прокормиться, Амангельды решил заняться охотой. С группой таких же бедняков он неделями пропадал в степи. Меткий стрелок всегда возвращался с добычей. Материальное положение семьи несколько улучшилось.

Охота еще больше сблизила Амангельды с простыми людьми. Он узнал много новых печальных историй о бесправии, горе, нужде, оскорблениях, угнетении бедняков, о безграничной жадности и дикой жестокости баев.

Вскоре Амангельды на себе испытал бесчеловечность феодально-байских предрассудков. В одном из аулов он встретил девушку — Зулиху Джаксылыкову. Часто во время долгих скитаний на охоте он вспоминал о ней, а иногда осмеливался заезжать в ее аул. Девушка ответила взаимностью, но она, так же как и Амангельды, была бедна. Родители же Зулихи надеялись получить за свою дочь большой калым и, несмотря на ее протесты и мольбы, отдали старику-бию Баймагамбету Бектыбаеву. Бессильным гневом, горечью и обидой наполнилась душа юноши.

Скитаясь по степи, Амангельды видел, что не лучше бедных казахов-кочевников живут и многие русские и украинские переселенцы. И их жестоко обижают и обирают богатеи. Сердце юноши наполнялось состраданием ко всем униженным и угнетенным. Но в то время он еще не знал, как нужно защищать бедных. Ему казалось, что если он заступится за одного, другого пастуха, пригрозит одному, другому баю, то зло исчезнет, народу станет жить лучше. Он действовал как герой-одиночка.

...Однажды в 1897 году табун лошадей бая Мирзабая потравил посевы, принадлежавшие беднякам рода Шынболат. Пострадавшие потребовали возместить убытки. Бай категорически отказался. Бедняки пожаловались Амангельды. Тот пригрозил баю. Спорить со знаменитым охотником Мирзабай побоялся и возместил убытки. В этом же году бай Танкаков отобрал у своего бывшего батрака Кажасбая Атагозина единственную лошадь. Узнав об этом, Амангельды с группой товарищей, охотников-джигитов, ворвался в байский аул, отобрал скакуна и возвратил хозяину.

Жатаки Терисбутака и Дулыгалы все время мечтали переселиться в плодородную долину реки Тургая и заняться там земледелием. Их сокровенную мечту разделял и Амангельды. В 1903 году несколько семей бедняков переселились на земли, которые раньше принадлежали их предкам и с которых они были вытеснены баями в последние годы.

В следующем году управитель Каратургайской волости Мухамеджан Смаилов решил изгнать бедняков. В долине Тургая он начал строить зимовку. Бедняки во главе с Амангельды осмелились помешать этому. Не обошлось без столкновения. В ход пошли палки, несколько человек было ранено. Волостному управителю пришлось отказаться от постройки зимовки в этой долине.

В 1903 году бай Калдыбай Токтыбаев предал мучительной смерти бедняка Исмагула Джуалыбаева из рода Жаппас.

Амангельды не мог простить такого беззакония. Вместе с родственниками замученного и группой джигитов он приехал в аул с требованием покарать преступника. Вмешался крупный бай, волостной управитель Рахмет Шананбаев. Обращаясь к Амангельды, он сказал:

— Эй, Амангельды, мы с тобой родственники, потомки рода Тлеулы и Бегимбет! Не к лицу тебе защищать чужие интересы и устраивать дебош. Жаппас — целое племя. Пусть люди этого племени и защищают свои интересы. Ты же поднимаешь руку на своих соплеменников. Забывшему свой род и обычаи отцов нет места среди нас!

— Правда, что Жаппас — целое племя,— ответил Амангельды,— но я отстаиваю честь не отдельных племен и родов, буду мстить за замученного бедняка любого рода. Своими врагами я считаю не племя, а тех, кто попирает человеческое достоинство и справедливость!

Однако баю Токтыбаеву удалось уйти от расплаты.

Эти вопиющие факты безнаказанности преступлений баев еще больше укрепили у Амангельды сознание необходимости вести беспощадную борьбу с богатеями. Молва о храбром охотнике, метком стрелке и защитнике бедняков распространилась по всей степи.

Желая избавиться от него, баи предъявили Амангельды клеветническое обвинение в том, что он убил богача Куспека. Преследования волостного управителя и царских чиновников вынудили Амангельды покинуть Терисбутак и скрываться в соседних Атбасарском и Иргизском уездах.

Классовому просвещению Амангельды во многом способствовало сближение с русскими передовыми людьми. Несмотря на провокации царских чиновников и баев, трудящиеся казахи и русские все больше сближались.

«Попробуйте приехать летом в русский поселок под вечерок или в праздники,— говорится в одном документе.— Вы везде увидите кучки русских и киргизов [1], сидящих на земле и мирно беседующих друг с другом, часто на киргизском языке».

В пробуждении политической сознательности Амангельды значительную роль сыграли русские, сосланные в Казахстан за политическую деятельность. Их было в Казахстане немало: край издавна служил местом ссылки.

---

[1] Киргизами тогда называли и казахов.

Однажды Амангельды приехал к своему другу, Хакимбеку Токину, который жил вблизи города Тургая. Нашлись друзья и в самом городе. Они-то и познакомили его с прогрессивно настроенными русскими интеллигентами — адвокатом Н. Токаревым и членом уездного мирового суда И. Денисовым. Новые друзья рассказали Амангельды о положении в России, о том, что в стране есть сила, способная вести активную борьбу с богатеями и с их защитой — царизмом.

В это время братья Николай и Александр Токаревы, ссыльный студент из Казани Уразгалий Асауов организовали кружок казахской молодежи. В числе 17 слушателей кружка часто бывали Амангельды и его друзья Омар Тынымов, Хакимбек Токин, Абдурахман Иманкумов, Канапия Койдосов. В кружке много рассказывали о защитниках интересов народа и пламенных демократах, сторонниках русско-казахского содружества,— великом поэте Абае Кунанбаеве, выдающемся ученом и публицисте Чокане Валиханове, Ибрае Алтынсарине [1].

Чтение произведений Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, А. Кунанбаева помогло Амангельды лучше понять прошлое и настоящее своего многострадального народа, сознательнее бороться за его светлое будущее. «Если бы туркестанцы могли пользоваться плодами своих трудов, то они были бы одним из богатых восточных народов... Непомерные налоги и насилия беков отнимают у них почти все достояние»,— объяснял страдания народа Ч. Валиханов. «Все возможное счастье для киргизского народа,— писал И. Алтынсарин,— я вижу в дальнейшем только в нравственном слиянии его с русским народом и в духовном, экономическом развитии его посредством русско-киргизского образования».

Абай советовал учиться отделять русский народ от царских сатрапов:

Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Плещут волны через все рубежи.

Чтение книг любимых поэтов и публицистов усилило ненависть Амангельды Иманова к баям-феодалам, защитникам патриархальщины и невежества в казахском

[1] Ибрагим (Ибрай) Алтынсарин — выдающийся казахский педагог-просветитель (1841—1889).

ауле. Он не только читал произведения выдающихся казахских просветителей-демократов, но и пытался практически реализовать их некоторые идеи. Так, следуя примеру своего духовного отца И. Алтынсарина, жившего в Тургае, Амангельды одно время материально и морально поддерживал казаха-учителя И. Топачева, получившего русское образование. Топачев обучал детей бедняков вначале у себя дома, а потом в специально построенной друзьями Амангельды школе-землянке. У Топачева Амангельды и сам учился русской грамоте. Правда, это делать было нелегко. Амангельды в это время скрывался от полиции: обвинение в убийстве еще не было снято с него.

Когда полиции удалось выследить Амангельды, он попал в тюрьму. Здесь познакомился с политически неблагонадежным бывшим студентом Казанского университета П. В. Добровольским. Русские друзья не оставили его в беде. Н. Токарев и И. Денисов помогли ему освободиться из тюрьмы.

Дружба с политическими ссыльными и передовыми представителями казахского общества, знакомство с демократической литературой казахских просветителей, многочисленные факты беззакония царских чиновников и баев — все это помогло Амангельды увидеть мир иными глазами. Ему стало ясно, что в одиночку победы не добиться, что нужно поднимать против баев народ, хотя сделать это в казахских степях не так просто. Еще крепки были родовые связи и обычаи.

Однако под влиянием революционной обстановки в стране росло классовое сознание и среди трудящихся казахов.

В то время в России назревали большие события. Русско-японская война привела к упадку всего хозяйства. Тяжелое бремя легло на плечи рабочих и крестьян. Народ взялся за оружие. Первая русская революция вдохновила все народности национальных окраин России на революционную борьбу против национального и социального гнета.

В Казахстане в революционную борьбу включились крестьянские массы многих национальностей, русские, украинские и казахские рабочие. На Успенском руднике рабочие П. Топорнин и А. Байшегиров организовали

«Союз русско-киргизских рабочих». «Союз» сумел наладить связь с рабочими Караганды и Спасска. Общая забастовка заставила хозяина рудника выполнить требования горняков. Волна забастовок прокатилась почти по всем промышленным предприятиям Казахстана. В это же время забастовали рабочие Спасского рудника, Карагандинских угольных копей, железнодорожники, рабочие Иртышского пароходства и других предприятий.

Летом и осенью 1905 года в Казахстане начались аграрные волнения. Трудящиеся отказывались от уплаты налогов и повинностей, избивали сельских старост, волостных управителей, громили их канцелярии.

В городах Казахстана, на железнодорожных станциях и промышленных предприятиях возникали революционные комитеты и союзы, которые под руководством социал-демократических групп во главе с В. В. Куйбышевым распространяли среди рабочих, русской и казахской бедноты статьи и брошюры В. И. Ленина, руководили стачечной борьбой, демонстрациями. В Кокчетаве, Кустанае, Перовске и других городах были созданы нелегальные типографии, в которых выпускалось большое количество листовок, прокламаций и обращений. Рабочие городских предприятий, железной дороги, присоединившиеся к ним служащие, учителя и учащаяся молодежь с красными флагами вышли на улицы. Демонстранты выкрикивали лозунги: «Долой самодержавие!», «8-часовой рабочий день!», «Да здравствует демократическая республика!»

Казахская и русская беднота во всех уездах все чаще совместно выступала против кулаков, баев и царских чиновников. Открытое сопротивление волостным управителям, царским чиновникам и полиции было оказано в Каркаралинске, Кокчетаве, Актюбинске, Кустанае, Тургае, Акмолинске, Аулие-Ате, Чимкенте. Беднота одного из аулов Акмолинского уезда оказала открытое сопротивление лично губернатору. Для подавления волнений бедноты губернатор выслал специальный отряд. Когда царские сыщики арестовали инициаторов волнений в Кокчетавском уезде, крестьяне применили силу, освободили своих товарищей и категорически заявили, что недоимку все равно платить не будут. Трудящиеся массы Тургайского уезда требовали «прекращения захвата ка-

захских земель и переселения, иначе казахи будут защищаться всеми средствами против всяких насилий».

Начальник Семиреченского переселенческого управления Велецкий доносил министру внутренних дел: «Без преувеличения можно сказать, что со стороны крестьян, настроенных под действием политической агитации, проводимой против царской власти, над нашей жизнью нависла серьезная угроза...»

«Тысячная толпа, с участием верховых киргизов, с красными флагами ходила,— пишет с тревогой каркаралинский уездный начальник,— до вечера по улицам города и у станицы с песнями, с лозунгами (со стороны русских крестьян: «Долой полицию!», со стороны киргизов: «Долой крестьянских начальников!»)».

В годы первой русской революции Амангельды Иманов прилагает большие усилия, чтобы сплотить все разрозненные и нередко стихийные выступления в единый поток борьбы. Он часто ездил в Тургай, укреплял связи с рабочими, жившими там политическими ссыльными, посещал Байконурский и Карсакпайский рудники, где работали братья и родственники — Амантай Удербаев, Исмаил Копжасаров, Молдабек Байтурин и др. Через них Амангельды познакомился с их друзьями — русскими рабочими Алексеем, Иваном, Максимом и др.

В это время еще более активизировали свою агитационную деятельность соратники Амангельды — Н. Токарев, И. Денисов, И. Жусупов, К. Койдосов, двоюродный брат Амангельды С. Кошумбеков [1].

Большевики Казахстана добиваются избрания народных представителей в депутаты II Государственной думы: от Акмолинска — Виноградова, от Кустаная — Голованова, разоблачают двурушническую деятельность меньшевиков, эсеров и казахских буржуазных националистов, которые блокировались с буржуазной партией кадетов.

---

[1] Адвокат И. Жусупов, переводчик К. Койдосов, учитель С. Кошумбеков — демократически настроенные интеллигенты, неизменные друзья Амангельды. После Октябрьской социалистической революции Жусупов был помощником военкома; Койдосов — председателем ЧК, а Кошумбеков — заместителем заведующего отделом по национальному вопросу при чрезвычайном комиссаре Степного края.

Вместе с Н. Токаревым, И. Денисовым, И. Жусуповым, К. Койдосовым и С. Кошумбековым Амангельды агитировал за избрание большевика Голованова.

Разоблачив предвыборные интриги баев, Амангельды и его друзья сумели в ряде волостей выдвинуть в состав выборщиков своих единомышленников. Начальник уездного управления сообщил губернатору Тургайской области о «нежелательном составе выборщиков». Впоследствии многие из этих людей стали опорой Амангельды, командирами его отрядов.

Баи видели, как быстро растет авторитет Амангельды в народе, и поэтому стремились «устранить» опасного вожака. Им нужен был лишь предлог для нового судебного дела против Амангельды. Вскоре такой предлог представился. В 1906 году крупные баи Рахмет Шашанбаев, Бирали и Сейткерей Бектасовы захватили сенокосные угодья, принадлежавшие беднякам родов Бегимбет, Шынболат и Косай. Амангельды с группой бедняков-жатаков решительно выступил против их произвола.

Управители Кайдаульской и Каратургайской волостей обратились к уездному начальнику с просьбой арестовать «бунтаря». Для ареста Амангельды Иманова и его сподвижников выехал отряд полиции во главе с волостным управителем Кайдаульской волости Даненовым. Но на защиту своих друзей со всех концов съехались бедняки-джигиты. Полиция не ожидала этого и арестовать Амангельды побоялась. Ему лишь запретили выезжать из аула на расстояние более 25 верст.

Когда революция 1905—1907 годов потерпела поражение, большевистские кружки и группы в Казахстане были разгромлены, а их руководители арестованы. Но подпольщики-большевики не ослабили борьбу. Они распространяли среди населения листовки, организовывали митинги.

Активную работу в это время проводил и Амангельды Иманов.

В конце 1907 года в родной аул вернулся его друг Алибей Джангильдин, исключенный из Московской духовной академии за участие в студенческих волнениях. Это был один из немногих представителей казахского народа, кому удалось получить образование в России. Он хорошо разбирался в обстановке, сложившейся в

стране, и обо всем подробно рассказал Амангельды. Беседы с Джангильдином оказали огромное влияние на расширение политического кругозора Амангельды.

Постоянно находясь под контролем и наблюдением царских чиновников, Амангельды тем не менее держал крепкую связь с населением, был в курсе всех дел области и в нужный момент оказывался там, где назревали события.

...Тихий степной городок Тургай в последних числах мая преображался. В эти дни здесь ежегодно происходила ярмарка, на которую стекались тысячи людей не только из Тургайской степи, но и со всей страны.

Караваны верблюдов доставляли на ярмарку восточные товары — ковры из Хивы и Бухары, пряности, яркие ткани и изделия фабрик из Центральной России. Соседка Казахстана — Сибирь выставляла здесь богатые дары своей природы.

Многоголосая и разноязычная, шумная и пестрая, день и ночь бурлила ярмарка — одно из самых примечательных явлений восточной жизни. На ярмарке не только продавали и покупали, здесь узнавали новости — хабары, встречались друзья — кунаки, нанимали батраков и сговаривались о продаже невест.

На Тургайскую ярмарку 1908 года приехал и Амангельды. Вскоре после ярмарки должны были состояться очередные выборы волостных управителей, биев и аульных старшин. Выборы всегда были сопряжены с обострением борьбы между баями за власть, с усилением грабежа народа.

По неписаным, установленным баями законам вновь избранным должностным лицам полагалось преподносить подарки. По степи носились отряды байских джигитов. Они собирали с бедняков деньги, скот, утварь на подарки.

Амангельды и его товарищи решили на этот раз помешать замаскированному грабежу. На ярмарке они собирали группы бедняков и призывали их гнать сборщиков подарков. Особенно охотно слушали бедняки и батраки своего батыра — Амангельды. Он часто заканчивал речь собственными стихами, которые потом расходились среди народа и широко разносили славу их автора. До наших дней сохранил народ в своей памяти

песню Амангельды о борцах за народное счастье. Вот ее концовка:

«Трудовой народ в дугу сгибай!» —
Говорят и царь и жирный бай.
Только те, кому мила свобода,
Жизнь не пожалеют для народа.

Возбужденные выступлением Амангельды и его друзей, ярмарочные толпы стали открыто проявлять свою ненависть к торговцам, обдиравшим бедняков, к баям, бесстыдно выставлявшим напоказ свою роскошь, к царским чиновникам, лебезившим перед богачами.

Возбуждение нарастало и 27 мая вылилось в открытое столкновение с солдатами караульной роты, пытавшимися разогнать окружившую Амангельды толпу. Он в это время говорил:

— Русский царь и богачи сажают в тюрьму казахов и русских, которые выступают против произвола правительства, а волостные управители и байство безжалостно эксплуатируют и мучают несчастных жатаков. Продажные бии поддерживают волостных управителей и байство. Выход один — война всем богатым, война царскому правительству, баям и биям!

Когда солдаты, врезавшись в толпу, начали обнаженными шашками и прикладами избивать людей, Амангельды, прекратив выступление, крикнул:

— Джигиты, на коней!

Не прошло и нескольких минут, как десятки джигитов, среди них и Амангельды, на лихих конях налетели на солдат и обратили их в бегство.

Уездного начальника и начальника полиции, пытавшихся остановить убегавших солдат, избили. Они едва унесли ноги.

Событие это, происходившее на глазах тысяч людей, еще выше подняло авторитет Амангельды. Из уст в уста передавалось имя Иманова. Его все чаще стали называть батыром.

Опомнившись от страха и собрав все наличные силы, власти перешли в наступление. Им удалось арестовать 29 человек, более 100 человек привлекли в качестве свидетелей. Началось расследование. Амангельды, также оказавшемуся в тюрьме, грозила большая опасность, но ни один из арестованных и свидетелей не выдал его. Все,

как один, говорили, что видели во главе толпы киргиза на белом коне, но кто он — неизвестно. А русский крестьянин В. Рябов даже сказал, что во время столкновений Амангельды и его брат Бекет покупали у него уздечку для коня.

Ничего не добившись, власти вынуждены были выпустить Иманова и всех арестованных.

Вырвавшись из тюрьмы, Амангельды Иманов поехал по аулам, организуя отпор сборщикам налогов и подарков. Во многие аулы Кайдаульской волости Иманову с группой бедняков удалось не пустить байских джигитов. В связи с этим волостной управитель Б. Койшин писал:

«Принимать все меры для того, чтобы Амангельды принес повинную, а то он вообще не будет нас признавать. Постараться навсегда покончить с сыновьями ненавистного Удербея».

Волостной управитель просил уездного начальника привлечь Иманова к ответственности за агитацию среди населения и призыв к беднякам не платить налогов, не подчиняться волостным управителям и царской власти. Баи распространяли слухи о том, что скоро Амангельды привлекут к ответственности, а поэтому никто не должен его поддерживать. Но никакая сила уже не могла оторвать бедняков от Амангельды. Его авторитет и влияние были настолько велики, что бедняки лишь посмеивались над россказнями баев и их приспешников.

Тогда Иманова стали обвинять в забвении магометанской религии, в том, что он попирает все родовые законы, обычаи предков и обучает детей русской грамоте. Местные управители открыли подлую травлю Амангельды. Чтобы передать Иманова в руки полиции, баи объявили Амангельды главарем шайки конокрадов и грабителей. Он вынужден был постоянно менять место жительства, переезжать из одного уезда в другой. По ложному показанию атбасарский мировой суд начал следствие. Выпутаться из беды помог Адилбек Майкутов [1], по специальности врач, один из первых распространителей большевистских идей среди казахского населения, впоследствии один из лучших друзей Амангельды.

---

[1] А. Майкутов — революционер-большевик, в 1919 году расстрелян в Атбасаре белогвардейцами.

Одно за другим Амангельды предъявляют самые различные «обвинения». Он побывал в саумалыкульском мировом суде (село Кривоозерное), Кокчетавского уезда, дважды был вызван полицией в Тургай. Но благодаря помощи друзей, ему удавалось оставаться на свободе. По этому поводу народный акын С. Есенбаев правдиво писал:

Маймаков — управитель волостной — в город помчался,
На силе чиновников и взятках в надежде прокатиться.
И у батыра в городе много тех,
На кого он может твердо положиться.

Однако баи и местные власти не унимались. По их настоянию в 1909 году было снова возбуждено дело против Амангельды. На этот раз его обвинили в оскорблении и подрыве авторитета «крестьянского начальника» Андреева. Суд приговорил Иманова к тюремному заключению. Троицкий окружной суд приговор оставил в силе.

Амангельды подал кассационную жалобу, но 4 октября 1910 года саратовская судебная палата утвердила приговор мирового судьи.

Чиновники и баи вздохнули с облегчением.

Однако, отбыв тюремное заключение, «бунтарь» не успокоился. В 1911 году, накануне очередных «выборов» волостных управителей, биев и аульных старшин, Амангельды снова развернул агитацию среди трудящихся.

Управители Кайдаульской и Каратургайской волостей донесли уездному начальнику, что Амангельды готовится сорвать предстоящие выборы. Уездный начальник направил в аул полицию, арестовал Иманова вместе с его близкими друзьями и соратниками и под конвоем отправил в Кустанай.

В кустанайской тюрьме Амангельды встретился с Омаром Дощановым[1], который после возвращения из ссылки был прозван «Сибирским Омаром». Его посадили за антиправительственную агитацию, за призыв к борьбе против царизма. Знакомство с бывалым и политически просвещенным Дощановым сыграло большую роль в жизни Амангельды. «Степной бунтарь», вожак бедняков жадно слушал рассказы нового друга о жизни

[1] О. Дощанов — революционер-большевик, зверски убит белогвардейцами в 1918 году.

других народов страны, о их борьбе против царизма и буржуазии.

Чтобы выручить Амангельды из тюрьмы, в Кустанай приехали И. Жусупов, С. Кошумбеков и Омар Шипин[1]. В самом городе также нашлись сочувствующие Амангельды. Благодаря их помощи и поддержке Иманов был освобожден.

Годы первой русской революции и реакции, таким образом, стали для Амангельды Иманова большой революционной школой. В суровой, неравной борьбе с эксплуататорами Амангельды и его боевые друзья, скотоводы-кочевники, не добились победы. Но это не сломило их волю. Они стали лучше понимать своих врагов, быстрее распознавать их коварные приемы, вырабатывать и на практике проверять свои методы борьбы. Это были годы воспитания масс, повышения их классовой самосознательности.

Амангельды Иманов твердо усвоил идею о жизненной необходимости братской дружбы казахской бедноты с русским народом. Поэтому он до последней минуты своей жизни боролся за укрепление этой дружбы. Лишения и трудности лишь закалили Амангельды, в процессе борьбы с баями-феодалами и царскими чиновниками выковывалось его мировоззрение. Его деятельность еще раз подтверждает ленинскую мысль о том, что «действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»[2].

* *
*

Решающим условием успехов в борьбе за освобождение казахского народа от национального и социального гнета явилось дальнейшее укрепление рабочего класса и его партии.

---

[1] О. Шипин — народный акын, друг Амангельды с юношеских лет.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., изд. 4, т. 23, стр. 233.

В 1910—1911 годах в России началось оживление промышленности. В Казахстане были созданы «Урало-Каспийское акционерное общество», «Нефтяное общество», «Нобельское товарищество», «Эмбинское и Каспийское общество», «Риддер», «Киргизское горнодобывающее общество» и другие промышленные предприятия и акционерные общества. На промышленных предприятиях в это время насчитывалось свыше 20 тысяч постоянных рабочих.

С развитием промышленности усилилось и рабочее движение. В Казахстане активнее включились в забастовочную борьбу горняки и шахтеры Риддера и Экибастуза. В нее все больше втягивались рабочие других промышленных предприятий. Под влиянием революционных выступлений рабочих еще решительнее, чем раньше, поднималось на борьбу и крестьянство. Волнения крестьян особенно усилились в связи с голодом, наступившим в результате засухи 1911—1912 годов.

Правительство, воевавшее с народом, вместо хлеба для голодающего населения направило новые инструкции об усилении репрессий. Под особым контролем оказались 42 губернских города, в том числе Оренбург, Петропавловск, Кокчетав. В числе 43 губернаторов, наделенных «особыми правами», были губернаторы Тургайской, Уральской, Акмолинской областей и Сибирской железной дороги.

В связи с ростом революционного движения на окраинах царской России В. И. Ленин писал: «...национальный вопрос выдвинулся в настоящее время на видное место среди вопросов общественной жизни России — это очевидно» [1]. VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП(б) призывала рабочих всех национальностей России «дружно и рука об руку бороться за пролетарское дело и против всех врагов рабочего класса».

Вооруженные ленинской программой по национальному вопросу, большевики Казахстана усилили свою работу среди рабочих и крестьян. Большевистские кружки и группы действовали в Троицке, Перовске, Петропавловске, Кустанае, Атбасаре, Тургае, а также в русских поселках и в казахских аулах.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 20, стр. 3.

В 1913 году Амангельды из Тургая перекочевал на родину — в Терисбутак. Летом этого года в родной аул возвратился из многолетнего заграничного путешествия и Алибей Джангильдин.

После исключения из семинарии, под именем Н. Степного, Джангильдин с преподавателем Московского коммерческого училища Коровиным, учителем из Самары Пламеневским, студентом Полевым отправился в путешествие вокруг света пешком. Газеты всего мира много писали об отважных пешеходах.

Жадно расспрашивал Амангельды друга о том, что тот видел в Польше, Австрии, Венгрии, Турции, Сирии, Индии, Цейлоне, Китае и во многих других странах.

— Всюду одно,— говорил тот.— Везде есть хозяева и рабочие, богачи и бедняки. Народ везде прозябает в нищете и невежестве. Вся разница лишь в том, что в Египте хозяйничают англичане, в Сирии — французы, в Турции — немцы. Многие картины жизни простых людей напомнили мне родной Казахстан. В Шанхае, перед входом в парк, я видел надпись: «Собакам и китайцам вход воспрещен». И если бы я не побывал в Швейцарии, не увиделся там с одним человеком, не знаю, сумел ли бы я не впасть в отчаяние от всего зла, творящегося повсюду на земном шаре.

— А кто этот мудрец, что так повлиял на тебя? — спросил Амангельды.

— Ленин, Владимир Ильич Ленин. Ты слышал о нем?

— Слышал, знаю: он вождь партии большевиков. Неужели ты видел Ленина?

— Не только видел, но и говорил с ним. Узнав, что я уроженец Казахстана, Ленин начал расспрашивать о моей жизни. Я ему рассказал о мытарствах в царской России и о впечатлениях, вынесенных из путешествий по разным странам. Владимир Ильич внимательно слушал мой рассказ. В беседе он коснулся положения угнетенных царизмом народов и подробно остановился на путях освобождения трудящихся колониальных стран. На прощание Ильич пожелал счастливого возвращения на родину. Встреча с Лениным глубоко взволновала мою душу. Я решил вернуться в Россию, чтобы с новыми силами бороться с самодержавием. И вот я дома, но, прежде чем принять какое-либо решение о своем

будущем, хочу познакомиться с положением здесь, поговорить с народом. Ты много ездил по степи, тебя хорошо знают и любят кочевники. Не можешь ли помочь мне?

— Чем, Алиби? Все готов сделать для тебя.

Алибей задумался, помолчал несколько минут, затем открыл кожаный чемодан и достал два деревянных ящика.

— Вот это,— сказал он, открывая ящики,— кинопроекционный аппарат и ручная динамомашина. Я приобрел их за границей. Ты никогда не видел живые картины?

— Нет. А что это такое?

— Это кинематограф. У нас в городах он уже есть, а в аулах еще никто не видел живые картины. Вот их я и хочу показать народу. Я привез 40 катушек лент. Покажу, как живут простые рабочие, рыбаки, грузчики, каменотесы Китая, Индии, Испании, Египта и других стран. Буду рассказывать, что видел,— о тяжелой жизни тружеников, их борьбе с эксплуататорами. Это будет лучшая агитация и для наших людей. Они поймут, что только борьба может им принести свободу, что, для того чтобы победить, надо сплотиться. Пойдешь со мной по аулам?

— Конечно, Алиби, с радостью.

Через несколько дней друзья выехали. Они побывали во многих аулах и кочевьях, показывая свои картины, беседовали с народом. Скоро по степи, опережая спутников, разнесся хабар о чудесных сеансах. За десятки километров люди приходили, чтобы побывать на удивительных представлениях.

Тургайская степь никогда не видела подобного.

Когда о кино узнало уездное начальство и сообщило в Оренбург, то оттуда последовало указание: демонстрацию кинофильмов запретить, аппарат отобрать, Джангильдина арестовать. Но друзья успели скрыться и еще в течение полутора месяцев ездили с киноаппаратом по степи.

В беседах, вспоминал впоследствии Джангильдин, Амангельды часто расспрашивал о В. И. Ленине, о жизни и борьбе русских революционеров. Слушая рассказы о них, Амангельды восклицал: «Это и есть моя мечта, цель моей жизни!».

Скрываясь от царских ищеек, А. Джангильдин покинул Казахстан. Он уехал в Крым. Но Амангельды и Алибей не теряли связи, переписывались, информировали друг друга о событиях в стране и в Казахстане.

Соратники Амангельды Иманова — в Кзылжингильской волости А. Нургамысов и Ж. Ниязбеков, в Аккумской — Х. Токин и О. Тнымов, в Каратургайской — Д. Байгабылов и У. Саржанов и др.— организовывали открытые выступления трудящихся против царских властей.

Население Аккумской волости оказало сопротивление полиции, прибывшей сюда для ареста политических «преступников». Полиция вернулась в город ни с чем. Так же поступили трудящиеся Каратургайской волости. Они избили приехавших полицейских и задержали их на два дня в ауле. Полиции с большим трудом при помощи волостных управителей и баев-феодалов удалось арестовать организаторов этих выступлений. Уездный начальник докладывал тургайскому губернатору, что «дела Каратургайской волости выяснены, в Аккумской и Кзылжингильской волостях пока не представилось возможным найти виновников из толпы в 300—400 человек».

Царское правительство направило в Тургайскую область специальную комиссию для ознакомления с событиями и разработки мероприятий по подавлению все нарастающего движения. Комиссия находилась в области полтора месяца (летом 1913 года), собирала факты и материалы, подтверждающие рост антиправительственного движения. Она посоветовала местным властям войти в контакт с управлением жандармерии Оренбурга, установить строгий внутренний распорядок и обратить особое внимание на кочевых казахов Тургайского и Иргизского уездов.

Чтобы добиться освобождения арестованных, Амангельды Иманов в феврале 1914 года выехал в Петербург.

...Остался позади долгий и трудный путь, и вот он — в прославленной столице Российской империи.

...Роскошные дворцы и особняки, мясистые городовые на перекрестках, прямые улицы, сияющий Невский проспект с его нарядной и праздной толпой, открытые

экипажи, запряженные кровными рысаками и невиданные в Тургайской степи автомобили. Город чиновников, министров, богачей...

Но Амангельды Иманов увидел в Петербурге не только город дворцов и богачей. Он знал, что настоящая слава и сила Петербурга — это героические рабочие. Их трудом, их умелыми руками создаются все богатства, в их руках — будущее страны. Амангельды рассказывали, что эти улицы и площади не раз обагрялись кровью народа. Лишний раз батыр убедился: простой народ и в России и в казахской степи живет в нищете и бесправии.

Сопровождавший Амангельды Досан Карабаев впоследствии рассказывал, что, осмотрев город, Амангельды сказал:

«Стоимость только одного здесь здания стоит дороже, чем все богатства целой Кайдаульской волости. Но таким богатством пользуются лишь крупные капиталисты и другие паразиты, которые бесчеловечно эксплуатируют трудовой народ».

Во время пребывания в столице Амангельды решил вести записи о своих впечатлениях и мыслях в особой тетради, которая известна историкам как «Петербургский дневник Амангельды Иманова». Дневник в основном посвящен истории присоединения Казахстана к России.

В дневнике Амангельды обращает внимание на те стороны деятельности исторических личностей, которые считал наиболее прогрессивными, важными. О Петре I он, например, записал: «Построил 150 заводов и фабрик. Чины он давал тем, кто имел образование, а не тем, кто имел высокое происхождение. Поэтому все бросились учиться».

Амангельды, находясь в Петербурге, страстно хотел увидеть В. И. Ленина. Но, как известно, великий вождь трудящихся скрывался в это время за границей, в Кракове.

Особый отдел департамента полиции, рассмотрев жалобу Амангельды на несправедливость местных властей, «обещал» дать письменное указание об освобождении арестованных, но, как и следовало ожидать, обманул народного ходока. И Амангельды вернулся домой ни с чем.

Поездка в столицу явилась новым уроком в политическом прозрении народного батыра, развеяла последние остатки наивной веры его в «справедливость высшей власти». Полный решимости добиться свободы путем единения народных сил, А. Иманов развернул агитационную организаторскую работу. Он снова побывал во многих аулах, на рудниках Джезказгана, Карсакпая, Байконура, всюду рассказывал о положении рабочего класса в центре, о том, что русский народ решительно выступает против самодержавия Романовых. В своих беседах Амангельды особенно подчеркивал необходимость сплочения масс и единых действий против царского самодержавия и местных баев-феодалов, и его слова глубоко запали в сознание слушателей. Позже, когда началось национально-освободительное восстание, возглавляемое Амангельды Имановым, основным костяком его сарбазов[1] были рабочие, батраки и бедняки, слушавшие эти беседы.

В 1914 году, накануне выборов волостных управителей и биев, Амангельды Иманов разоблачал выдвинутых баями кандидатов, организовал большое количество активных групп из бедняков. Акын Сят Есембаев, который тогда находился в одной из групп Амангельды, а во время восстания 1916 года являлся секретарем тысячных в штабе повстанцев, писал:

Он всех друзей объединил —
Детей Аргына и Кипшака.
И это служит добрым знаком
Большого накопленья сил!

В борьбе за доверие и симпатию трудящихся масс мужал и накапливал опыт организаторской работы и сам Амангельды. Его имя стало известно далеко за пределами Тургайской области. Дружба с первыми коммунистами-казахами А. Джангильдином, А. Майкутовым, О. Дощановым, с русскими прогрессивно настроенными интеллигентами, ставшими впоследствии активными борцами за власть Советов в Казахстане, Н. Токаревым, И. Денисовым, с рабочими промышленных предприятий Казахстана определила мировоззрение Амангельды, его будущее. И не случайно, когда в 1916 году развернулось

---

[1] Сарбазами в Средней Азии, Иране называли солдат, в данном случае это — повстанцы.

национально-освободительное движение, Амангельды Иманов оказался во главе поднявшихся на борьбу против царского самодержавия народных масс.

В ГРОЗНОМ ШЕСТНАДЦАТОМ ГОДУ

Первая империалистическая война принесла тягчайшие страдания трудящимся, особенно угнетенным народам национальных окраин царской России. В. И. Ленин указывал, что во время войны угнетение наций усилилось, обострилось, а «вследствие этого не только возможны и вероятны, но прямо неизбежны национальные восстания и национальные войны» [1].

И до этого гнет был невыносимым, а война принесла новые тяготы трудящимся Казахстана. Массовый захват казахских земель не прекращался. Изыскивая новые источники доходов для ведения войны, царское правительство реквизировало у казахов скот и фураж, кибитки и кошмы, попоны и кожи. Был введен военный налог: с каждой кибитки по четыре рубля. Увеличились земские, дорожные и другие сборы. Купцы и спекулянты в несколько раз повысили цены на товары первой необходимости. Еще больше возросли взяточничество и казнокрадство царских чиновников, волостных управителей.

В 1914—1915 годах по стране прокатилась волна забастовок. В Казахстане забастовали рабочие ряда промышленных предприятий и железнодорожники. Начались волнения среди крестьян.

Царское правительство боялось, что каждую минуту может произойти взрыв народного гнева. Поэтому инородцы, как официально именовались представители народов Казахстана и Средней Азии, в армию не призывались. Их рассматривали как потенциальных врагов и оружия не доверяли.

Между тем войне не видно было конца, и в России стал ощущаться недостаток рабочей силы. В этих условиях царизм вынужден был пойти на чрезвычайные меры. 25 июня 1916 года царь издал указ о мобилизации в армию, в прифронтовые районы, на тыловые работы

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 26, стр. 134.

казахов, киргизов, узбеков, таджиков, туркмен, дунган и уйгуров в возрасте от 19 до 43 лет. В указе вместо слова «мобилизация» употреблялся термин «реквизиция». Как будто разговор шел не о людях! Этот указ и явился той каплей, которая переполнила чашу народного терпения. В Казахстане и Средней Азии вспыхнуло восстание.

Это восстание носило национально-освободительный характер, но было направлено также и против байско-феодальной эксплуатации. Главной движущей силой восстания явилось трудовое крестьянство. Царский указ послужил лишь поводом для выступления трудящихся, но причиной его была национально-колониальная политика царского правительства, массовый захват плодородных и удобных земель у трудящихся. Царское правительство, отобрав только у казахских крестьян около 50 миллионов десятин лучших земель, обрекло местное население на голод и вымирание.

В то же время баи-феодалы концентрировали в своих руках основную массу скота и, имея поддержку со стороны правительства, пользовались ранее принадлежавшими родам (общинам) лучшими пастбищами, лугами и пахотными землями, летними и зимними стойбищами. Они держали в кабале бедноту и батраков, заставляли их почти бесплатно работать в своих хозяйствах.

Готовя мобилизацию на тыловые работы, царские чиновники, волостные управители, составляли списки призывников, думая при этом только о своей наживе: за уменьшение или увеличение возраста подлежащих призыву брали взятки от 200 до 500 рублей. При этом в списки включались только сыновья бедняков, особенно должников, а сыновьям волостных управителей и баев-феодалов царское правительство разрешило нанимать вместо себя других лиц.

На волостных сходках и съездах бедняки в один голос заявляли: «Не дадим ни одного человека на фронт! Лучше все ляжем костьми в родной степи! Не пойдем в солдаты, всех перебьем; если приедет сам царь, и его убьем».

Чтобы все-таки провести мобилизацию, местная администрация использовала совещания аксакалов.

Националистическая газета «Казах» агитировала за мобилизацию и сбор «добровольных пожертвований» на войну. На одном из совещаний, где казахские националисты одобрили указ царского правительства о мобилизации, Амангельды Иманов, которого народ неоднократно посылал на эти совещания, категорически заявил:

«Не торгуйте народной кровью! Ни одного человека не дадим царю на убой. Будем противиться мобилизации до последней возможности, а если царь попробует взять нас силой, соберем по аулам оружие, оседлаем коней и будем воевать».

Правильно понять обстановку в стране и подготовить трудящихся к восстанию помогли Амангельды русские и местные большевики. Большевистская группа в городе Троицке выпускала листовки, в которых разъяснила трудящимся казахам причины возникновения империалистической войны и почему ее поддерживали казахские баи, буржуазные националисты. Распространению и доставке в казахские аулы «Писем русских рабочих к казахской (киргизской) бедноте» помогали Есет Жантуаров[1] из Карабалыкской волости и Кулжан Адилбаев из Мендыгаринской волости. На золотом прииске «Кашкар» агитационную работу среди русских и казахских рабочих проводил политический ссыльный Д. М. Одинцев.

Трудящиеся повсеместно начали уничтожать списки и убивать волостных управителей. В каждом уезде и волости создавались отряды восставших и избирались руководители этих отрядов.

В одном из писем Амангельды сообщал Джангильдину, что в степи назревает восстание, что ему уже удалось установить связь с джигитами Тургайской области и создать группу сочувствующих движению. Он просил Джангильдина приехать в Казахстан. Джангильдин ответил, что обязательно приедет и примет участие в борьбе своего народа против ненавистного царизма.

В последних числах июля в местечке Терисбутак состоялся той[2], на котором перед представителями отрядов выступил Амангельды.

[1] Позднее — руководитель отряда повстанцев.
[2] Той — митинг.

— Мы достаточно терпели,— говорил он.— Указ царя о мобилизации переполнил чашу нашего терпения, он возмутил народ, ибо затронул его честь. Мы должны, наконец, решиться и выступить против царя. За свободу народа не пожалеем самой жизни и будем бороться до последней капли крови!

Гул одобрения пронесся по степи.

— Веди нас, батыр! Смерть притеснителям! — слышались возгласы.

— Обдуманно скроенный халат не будет мал,— продолжал Амангельды.— Если мы возьмемся за дело организованно, в тесном единении, можно с уверенностью сказать, что наше дело увенчается успехом. Неорганизованность, недисциплинированность заранее обрекают дело на провал. Мы обязаны сплотиться в одну семью, установить строгую дисциплину. Тогда враг не будет страшен и царскому правительству не удастся победить нас. Помните мудрую поговорку: «Объединенный народ — всесокрушимая сила. Неорганизованность подобна смерти».

Амангельды в эти дни писал Алибею Джангильдину в Крым:

«Мобилизацию сорвем, джигитов не дадим. Объединенными силами пойдем войной против царской власти. Лучше погибнуть на своей земле в борьбе за свободу народа. Возьмем же свои боевые знамена и пойдем войной вместе с русским народом против нашего врага — царской власти. Настал день испытания. Вокруг меня объединились лучшие люди народа. Мы решили восстать».

Амангельды просил совета, как лучше организовать выступление, интересовался положением в Центральной России, отношением большевиков к войне. Джангильдин ответил другу, что большевистская партия борется против империалистической войны, советовал использовать растущее недовольство народных масс для усиления освободительной борьбы в аулах.

В Тургае Амангельды по совету Николая и Александра Токаревых, Ивана и Павла Денисовых, при поддержке Х. Токина, К. Койдосова и И. Жусупова провел совещание, посвященное объединению усилий трудового народа разных уездов. Выступавшие на совещании

говорили о недовольстве трудящихся и поддержали Амангельды. Иманов рассказал собравшимся содержание писем Джангильдина. Совещание решило усилить агитационную и организаторскую работу в массах.

Амангельды Иманов вместе со своими товарищами проводил в аулах собрания, разъяснял трудящимся, что им не нужна захватническая империалистическая война. В Есиле и Атбасаре он встретился с Адильбеком Майкутовым и Абикеем Жамановым, через которых достал ружья, боеприпасы, договорился о дальнейших связях и доставке оружия и продовольствия.

Началось объединение революционных сил Тургайской степи. Джигиты собирались в группы, отряды. Они стали преследовать волостных управителей и царских чиновников, отбирали списки подлежащих мобилизации.

Бедняки-джигиты реквизировали у баев-феодалов лошадей, продукты питания и одежду. В Павлодарском уезде они напали на аулы крупного феодала Шормана и угнали целый табун лошадей.

В обстановке всеобщего возмущения народа Амангельды Иманов и его боевые соратники Есет Жантуаров, О. Тнымов, Х. Токин, К. Кабаков, А. Карабаев и многие другие превратили Тургайский уезд в один из крупных центров восстания. Руководители национально-освободительного движения обратились с воззванием к народу. Воззвание было написано соратником Иманова акыном Бзаубаком.

В нем говорилось:

Земля закачалась под мрачным дворцом.
Врагов самодержца — рабочих ряды
Идут в наступленье с открытым лицом.
Их жаркие не остывают следы.
    Бесценный народ мой! Пришла к нам напасть,
    И наши потеют горячие лбы.
    Но не уничтожит нас царская власть,
    Коль станем мы все под знамена борьбы.
Давайте ж, в кулак наши силы собрав,
Навстречу врагу оседлаем коней.
Бесправие, гнет и шакала-царя
Мы сбросим с себя и развеем их в прах!

Призыв этот нашел горячий отклик в сердцах народа, особенно молодежи. Джигиты потянулись в от-

ряды сарбазов. Амангельды, Қ. Қойдосов, И. Жусупов, Х. Токин, А. Қарабаев, О. Тнымов, Е. Жантуаров и другие создавали новые отряды, заботились о их вооружении.

Все это серьезно встревожило царских чиновников и баев. Правительство и на этот раз прибегло к привычному для него оружию — разжиганию национальной и межродовой вражды и репрессиям. Создавались военно-полевые суды, сыпались приказы захватывать и жестоко наказывать руководителей повстанцев.

Совещание представителей баев и духовенства Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Семиреченской областей, созванное буржуазными националистами в августе 1916 года в Оренбурге, решило использовать для обмана народа газету «Қазах», призвать волостных управителей, аульных старшин и мулл всеми силами убеждать массы в том, что им с Амангельды не по пути.

После совещания тургайский губернатор предпринял поездку по уездным городам. В каждом из них он проводил расширенные совещания волостных управителей с приглашением «почетных» аксакалов и духовенства. На совещаниях ставился вопрос о неукоснительном выполнении царского указа, мобилизации казахов на тыловые работы, мерах по ослаблению революционного движения. Участники совещания заверяли губернатора, что они «образумят» народ и безоговорочно выполнят указ «белого царя».

Но народ был другого мнения. Его мысли и чувства выразил Амангельды Иманов, явившись со своими джигитами на созванное в городе Тургае совещание волостных управителей, «почетных» аксакалов и мулл. Один из политических ссыльных, находившийся тогда в Тургае, в своем дневнике писал:

«...Приезжал губернатор. На Тургайской площади перед полицейским управлением много народу, часто мелькают фигуры аксакалов, управителей и других «почетных». Собравшиеся стояли полукругом, впереди «по-казахски» сидели «влиятельные», а против них на стульях — губернатор, вице-губернатор, за ними — уездный крестьянский начальник и его помощник, а дальше — городские обыватели.

Губернатор сквозь зубы процеживал какие-то слова...

Его слова тонули в гуле голосов трудящихся:

— Не пойдем! Лучше тут умрем!

Казалось, что возбужденная масса двинет своими могучими руками — и от начальства и следа не останется!

Губернатор, который ушел было, вернулся и стал в десятый раз нудно толковать одно и то же. Было ясно, что никакие силы не заставят киргизов идти на тыловые работы, само начальство не было уверено в себе».

На этом совещании выступил Амангельды Иманов. Он разоблачил предательство волостных управителей и «почетных» аксакалов. В конце своего выступления, обращаясь к губернатору, сказал:

— Народ не будет давать в солдаты и на тыловые работы казахскую молодежь, и никто не может силой заставить его сделать это.

Разгневанный резким выступлением Амангельды губернатор с угрозой заявил:

— Я заставлю, безумец, силой оружия послать людей на тыловые работы. Некуда им идти! Если полетят в небо, притянем за ноги, если войдут в землю, то вытянем за уши.

— В таком случае,— ответил Амангельды,— мы не дадим сыновей бедняков. Если вы исполните свое намерение силой оружия, то мы будем защищаться всей силой, которая находится в нашем распоряжении.

Большинство собравшихся ушли с Амангельды Имановым. Возле губернатора осталась лишь жалкая кучка перепуганных до смерти баев и чиновников.

Народный акын Омар Шипин по этому случаю писал:

«Губернатор, если в силе, никого не пощадит,
Слушаться его не будем, унижал он долго нас!»
Так пятьсот джигитов смелых под тревожный стук копыт,
Окружив батыра, громко прокричали в этот час.

Обстановка все более накалялась, обе стороны готовились к битве. Мирный и трудолюбивый народ, веками терпеливо подчинявшийся своим феодалам, чтил иша-

нов[1] и имамов[2], признавал священным каждое слово Корана, теперь стал прозревать и решил с оружием в руках добыть себе свободу и человеческую жизнь. Величие этого подвига состоит в том, что против казахского народа была не только вся мощь самодержавия с ее вооруженными силами, огромным полицейским аппаратом и другими средствами угнетения, но и сохранившиеся веками пережитки родовых отношений, старые обычаи и предрассудки.

Народные массы разорвали цепи духовного рабства, отвернулись с презрением от продавшихся царизму управителей. Они единодушно признали сардарбеком (главнокомандующим) своего замечательного сына — Амангельды Иманова.

Опираясь на поддержку народа, Амангельды Иманов и его боевые друзья приступили к сбору у населения оружия — сабель, пик, охотничьих ружей, боеприпасов. В селе Батпаккаре в трех магазинах, принадлежавших баям-феодалам, восставшие забрали все товары и боеприпасы.

Напуганный тургайский уездный начальник сообщал губернатору: «Молодежь, подлежащая призыву на тыловые работы, не только перестала слушаться, но и начала убивать «почетных» аксакалов, волостных управителей и баев, которых считает своими врагами, и устанавливает за их действиями контроль, отбирая у них скот».

В Кустанайском и Актюбинском уездах правительство вынуждено было отложить набор казахской молодежи на тыловые работы до 15 сентября, а в Иргизском и Тургайском уездах — до 15 октября.

Тем временем силы повстанцев росли. Для обеспечения сарбазов лошадьми, юртами, продовольствием и обмундированием во всех аулах по совету Амангельды трудящиеся выделили специальных уполномоченных — елбегов и установили нормы обложения: каждый владелец стада должен был сдать определенное количество лошадей и овец в зависимости от количества крупного

---

[1] Ишан — руководитель или наставник у мусульманских монахов (дервишей).

[2] Имам — руководитель молящимися в мусульманской церкви.

рогатого и мелкого скота. Каждое крестьянское хозяйство вносило от 3 до 5 рублей деньгами, а каждое байское хозяйство — от 100 до 500 рублей. Елбеги при поддержке вооруженных джигитов взыскивали принудительно деньги и скот с тех баев, которые уклонялись от всеобщей повинности.

Тургайская степь знала бая Рахмета Шашанбаева. Каждое слово его в свое время являлось законом для всех в роде и племени. Но все вдруг повернулось по-другому: презренный бейшара (батрак) Молдабек Байтурин, не имевший в своей жизни ни одного коня, потребовал у своего хозяина 2 лошади, 100 овец и 300 рублей для нужд сарбазов!

Рахмет вскипел от ярости:

— Корми своих детей, чтобы не умерли от голода, какое твое дело до восстания! Ты осмелился без спроса войти в юрту, где я принимал самого губернатора! Так ты, хайырши [1], благодаришь старшего в роде, который кормил и поил тебя и твоих детей?

— Погоди, почтенный Рахмет,— вмешался мулла Хазрет, сидевший за богатым угощением.— Сын мой! — обратился он к Молдабеку.— Ты мусульманин или стал кафиром [2], забывшим религию и обычаи предков? Рахмет — глава твоего рода, он твой отец и благодетель.

— Что с ним разговаривать,— поддержали хозяина сидевшие у него аксакалы.— Неблагодарного нужно гнать из юрты камчой [3].

Но батрак и сын батрака Молдабек непривычно для баев смело ответил:

— Да, я — хайырши, но кто меня сделал нищим? Разве не на тебя я и мои братья работали всю жизнь? Ты себя называешь благодетелем. Не за то ли, что за работу давал мне и моей жене подоить корову для малых детей и заставлял забыть вкус мяса. А вы, Хазрет и почтенные аксакалы, называете себя отцами и наставниками народа, а когда народ желает создать себе лучшую жизнь, вы его предаете, называете кафирами, вероотступниками, неверными. Запомните, что народ стал

---

[1] Хайырши — нищий.
[2] Кафир — неверный, неверующий у мусульман.
[3] Камча — плеть.

на верный путь и вы не свернете его с этого пути. А вам, Рахмет, придется выполнить требование народа. Сейчас не вы, а народ издает законы.

Боясь потерять все стадо, бай скрепя сердце отдал положенное количество лошадей, овец и деньги. Таких столкновений в то время было немало.

На собранные в аулах деньги закупали все необходимое для сарбазов. У повстанцев не хватало оружия. Руководство мастерскими по изготовлению сабель, пик, штыков поручили искусному кузнецу старшему брату Амангельды Иманова — Бекету.

Связь с аулами и волостями центра восстания — Тургайского уезда — поддерживалась через специальных ямщиков (на каждые 15—20 верст). А для связи с соседними Иргизским, Атбасарским, Кустанайским и Перовским уездами были открыты постоялые дворы.

Формирование отрядов сарбазов Амангельды Иманов проводил по принципу «тысяч». Каждое подразделение состояло из тысячи воинов. Подразделения формировались по существовавшему в то время административному делению. Во главе каждого из них стоял назначенный А. Имановым командир из числа самых способных, надежных и влиятельных повстанцев. Так, например, в Кайдаульской волости тысячей командовал Альджан Карабаев, в Каракогинской волости — Дауренбек Сандыбаев, в Кортогайской — Дауыт Ержанов, в Аккумской — Карбоз Кабаков, в Чубаланской — Омар Тнымов, в Каратургайской волости — Кошан Мынбаев. По другим волостям во главе отрядов также стояли преданные и опытные военачальники. На каждую тысячу назначались помощник командира, секретарь и сарыэскер (политический руководитель), а также по два-три «блюстителя порядка и дисциплины».

Каждая тысяча подразделялась на сотни по административным аулам. Для общего руководства восстанием был создан Военный совет во главе с сардарбеком Амангельды Имановым. Обязанности секретаря сардарбека исполнял Альмаганбет Жанибеков, а позднее О. Шипин. Подразделения сарбазов два раза в день выходили на военные занятия, учились стрелять, владеть пиками, изучали тактику боя. Из среды сарбазов готовились снайперы, кавалеристы, копьеносцы, секиристы

и другие специалисты военного дела. Большую помощь повстанцам в военной подготовке оказывали русские поселенцы, особенно раненые солдаты, фронтовики. Широкой известностью и любовью среди восставших пользовался инвалид войны Никита Кротов, отдавший много сил обучению воинов Амангельды и погибший в одном из первых боев с царскими войсками.

Повстанческие отряды Иманова состояли в основном из крестьян-бедняков, батраков и рабочих. Местные власти признавались, что батраки уходят от своих хозяев, угоняют к повстанцам байский скот. Ядро повстанческих отрядов составляли рабочие — казахи, русские, украинцы и других национальностей — с рудников Байконура, Карсакпая, Джезказгана, Успенска, Риддера, шахтеры Караганды, Спасского завода и железных дорог.

К тургайским сарбазам присоединились отряды из Кустанайского, Актюбинского, Атбасарского, Акмолинского, Перовского (Кзыл-Ординского) уездов. Несколько отрядов пришли из других уездов и областей Казахстана. Слава об Амангельды Иманове и его героической армии все шире разносилась по необъятным просторам Казахстана и Средней Азии. Позднее к Амангельды присоединились отряды из Центрального и Южного Казахстана. Повстанцы Семиречья и Сыр-Дарьи, отряды джигитов Казалинского, Аулие-Атинского (ныне Джамбулского) и Меркенского уездов потянулись в пустыню Кара-Кум, где находились в это время сарбазы Амангельды. Военный губернатор Семиречья сообщил, что «повстанцы Пишпекского, Верненского и других уездов с целью собирания силы начали откочевку на север».

Повстанцы, сосредоточивая свои силы в долинах рек Тургая, Улыжиланшика и вблизи города Иргиза, стремились преградить путь царским отрядам по тракту Тургай — Иргиз — Челкар — Кустанай. Они считали необходимым до прихода карателей захватить почтовые станции и уничтожить постройки и запасы сена на пути вероятного продвижения противника.

Представитель жандармерии доносил начальству:

«Восставшие обязали управляющих свинцовым и серебряным рудниками Атбасарского общества не пропу-

скать правительственных отрядов к рудникам. За невыполнение угрожают захватить эти рудники».

Напуганные действиями повстанцев местные власти обратились в Казахский военный округ с просьбой немедленно принять меры для подавления восстания. «Повстанцы,— говорилось в одном из донесений,— разрушили все виды связи между Иргизом и Тургаем, теперь они хотят захватить Иргиз. 15-тысячный отряд готовится к захвату станций Челкар и Журун».

21 октября 1916 года вблизи озера Татыр, в 50 верстах от Тургая, отряд Амангельды Иманова напал на карательную кавалерийскую сотню во главе с помощником тургайского уездного начальника Ткаченко. В этом бою каратели потеряли шесть солдат убитыми.

В рапорте на имя тургайского губернатора Ткаченко доносил: «...мы рано утром 21 октября увидели скачущих на нас вооруженных пиками, топорами и ружьями киргизов более 4000 человек. Не доезжая до нас приблизительно с версту, киргизы раскинулись цепью и стали нас окружать со всех сторон...»

Через своих командиров и их помощников Амангельды неустанно разъяснял восставшим, что для победы нужна дружба и поддержка со стороны русских крестьян и рабочих. Военный совет дал строгое указание ни в коем случае не давать в обиду русских крестьян, всемерно добиваться их активной поддержки в борьбе против самодержавия.

Дружба сарбазов и русских крестьян принесла желанные результаты. Местные царские власти сообщали губернатору, что «казахи считают своими врагами полицию и чиновников, между тем они нисколько не обижают русских крестьян». А начальник полиции промысла «Алтынтау» сообщал, что «казахи и раньше неплохо жили с русскими, а теперь они совсем сдружились».

Русские рабочие и крестьяне нередко становились советниками и командирами сарбазов, обеспечивали повстанцев оружием, боеприпасами и продовольствием.

Вскоре национально-освободительное восстание приняло широкий размах. Из маленьких групп, созданных Амангельды, выросли крупные боевые, крепко сплоченные отряды. Количество их с каждым днем росло. Только из Тургайского и Иргизского уездов в армию

Амангельды влилось 50 тысяч сарбазов. Всего же к ноябрю 1916 года в отрядах Амангельды насчитывалось около 200 тысяч человек.

Так отряды, первоначально тургайские, превратились в настоящую армию всего Казахстана.

Размах революционного движения в Казахстане заставил командующего Казанским военным округом обратиться к царскому правительству за помощью. «Если не будут,— писал он,— посланы вооруженные пулеметами и пушками несколько дивизий, то восстание может продлиться 2—3 года».

Правительство готовилось применить самые суровые меры. Депутат IV Государственной думы эсер Керенский, совершивший поездку в Туркестан якобы для выяснения обстоятельств, вызвавших восстание, а на самом деле для помощи в его подавлении, возвратившись в Петербург, заявил в Думе: «Туркестан и степные киргизские области — это не Тульская и Тамбовская губернии. На них нужно смотреть, как смотрят англичане или французы на свои колонии».

Несмотря на сложную обстановку на фронте, правительство создало специальный карательный корпус под командованием генерала Лаврентьева. В корпус входили 11 кавалерийских сотен, 14 рот пехоты, оснащенных 14 пушками. Кроме того, оно дало указание Оренбургскому и Омскому военным округам оказывать всемерную помощь карательному корпусу.

Командование царских войск намеревалось окружить повстанцев в долине Тургая с трех сторон. Для этого главная группа противника должна была продвигаться из Челкара на Иргиз и город Тургай, вторая группа начала наступление из Актюбинска через Карабутак на Иргиз, а третья колонна карателей продвигалась к городу Тургаю из Кустаная. Кроме того, Омскому военному округу поручалось отрезать повстанцев от рабочих Байконурского, Карсакпайского и Джезказганского рудников.

Исходя из сложившейся обстановки, Военный совет повстанцев принял решение немедленно захватить Тургай, за стенами которого укрепился сильный гарнизон царских войск, надеявшихся на быстрый подход основных сил генерала Лаврентьева. 27 октября генерал Сан-

децкий телеграфировал военному министру о том, что «положение в Тургайском и Иргизском уездах быстро ухудшается. С Тургаем прервано не только телеграфное, но прекращено всякое сообщение... Тургай обложен, Иргиз окружается».

В это время из Центральной России к повстанцам прибыл Алибей Джангильдин. Он рассказал о положении на фронтах, о революционном движении рабочих и крестьян России, об оценке В. И. Лениным обстановки в стране. «Проникая в массы, ленинские идеи вдохновляли повстанцев и зажигали в них веру в скорую помощь рабочего класса России»,— писал впоследствии Джангильдин.

На первом этапе восстания важной задачей представлялся быстрый захват повстанцами ключевой позиции — города Тургая.

А. Джангильдин принял активное участие в разработке плана захвата Тургая. На расширенном заседании Военного совета было решено взять город внезапным налетом. Настал долгожданный час наступления.

...На долгие годы запомнили участники штурма ночь на 6 ноября 1916 года. В час решающей атаки вспыхнул пожар. Озаряемые яркими факелами пожара, окутанные дымом, джигиты Иманова, возбужденные боем и этим необычным зрелищем, ринулись на предместья города и оттеснили солдат к воинским казармам в центре.

В открытых схватках на просторных улицах окраины царским войскам не помогало и их превосходство в вооружении. Чтобы спасти свои войска, сдержать атакующих, командование гарнизона отдало приказ укрыться в каменных зданиях казарм и распорядилось поджечь городские склады сена. Этот безрассудный поступок дорого стоил городу. Спалив большую часть деревянных зданий, командование гарнизона не остановило наступления сарбазов, которые во главе с Амангельды, лавируя между пылающими кварталами, прорвались к казармам. Один из лучших стрелков Тургайской степи, Амангельды находился в цепи и метко разил врагов. В ожесточенной уличной схватке повстанцы убивали ненавистных царских чиновников, офицеров, полицейских.

Началась осада казарм.

Укрывшись в казарме, солдаты и полиция открыли ураганный огонь из пулеметов и винтовок по наступавшим сарбазам.

Генерал Сандецкий в своем донесении в Петроград признавал, что «смелые, настойчивые атаки киргиз доходили до такой дерзости, что, несмотря на артиллерийский и пулеметный огонь, они подходили к наступающим частям на расстояние 100 шагов».

Однако вскоре на помощь тургайскому гарнизону пришло крупное подкрепление, и, кроме того, в самый решительный момент битвы отряды, руководимые ханами О. Чулаковым и А. Жанбусыновым, не дожидаясь приказа, отступили. Группа снайперов во главе с Амангельды Имановым продолжала бой, прикрывая отход основных сил. Наконец и она под покровом поздней ночи оставила город.

Повстанцы ушли от города на свои исходные позиции и снова расположились в нескольких километрах от Тургая вдоль почтовых трактов, идущих в Тургай из Иргиза и Кустаная. Было решено продолжать осаду Тургая, готовиться к новому приступу. Амангельды Иманов три раза посылал в Тургай своих представителей с требованием сложить оружие, однако подход новых царских частей вынудил Амангельды дать приказ об отступлении.

Хотя этот замысел повстанцев не имел успеха, но сам факт налета на город имел огромное значение. Он показал, что сарбазы могут сражаться даже с превосходящими в технике и в воинской выучке регулярными частями. «Действия восставших, которые держали город 26 дней в окружении (с 22 октября по 17 ноября),— писал один из очевидцев,— напоминают декабрьские события, происходившие в Москве. Восставшие были вынуждены отложить наступление только в связи с прибытием в город свежей силы противника в составе 17 сотен кавалеристов, 4 пушек и одной пулеметной роты».

Восставшим большую помощь оказывали большевики.

С. М. Цвиллинг, работавший в то время в Троицке (он посылал в Тургайскую степь большевистскую литературу и листовки для повстанцев и солдат карательной экспедиции), в январе 1917 года писал в Екатеринбургский подпольный комитет большевиков:

«Тургайцы побиты, но не разбиты... «Письмо»[1] на солдат подействовало отрезвляюще: пехотинцы дезертируют. Командующий Лаврентьев требует выслать больше казачьей кавалерии. Повстанцы в степях собирают новые силы. Поскорее вышлите очередной боевой листок. Большевистский голос в новых битвах повергнет врагов в смятение. Победа близка!»

Вскоре повстанческая армия сосредоточилась в Батпаккаре, в 150 верстах от Тургая, для пополнения отрядов, сбора оружия, боеприпасов, обмундирования, лошадей. В кузницах ковали копья, шашки, ножи, топоры и пики, в мастерских из охотничьих ружей изготовляли берданки, делали порох, лили пули, мастерили седла и сбруи. При Военном совете начали действовать избранные повстанцами судьи.

Всей подготовкой к новой решающей схватке, снабжением вновь прибывших отрядов продовольствием, оружием и фуражом руководил Амангельды Иманов. К этому времени армия повстанцев еще больше возросла. Лучше стало и с оружием.

Восстание в Тургайской степи в октябре — ноябре 1916 года приняло всенародный характер и превратилось в освободительную войну трудящихся всего края.

В свою очередь и царское правительство усилило воинские части, сражавшиеся в Казахстане. В ноябре 1916 года в распоряжение генерала Лаврентьева прибыло еще 19 кавалерийских сотен и 15 рот пехоты, один эскадрон, 14 пушек и 17 пулеметов. Ставился вопрос о предоставлении карательной экспедиции десяти грузовых автомашин и нескольких разведывательных самолетов.

21 декабря 1916 года Николай II объявил Тургайскую область на военном положении и распорядился направить туда дополнительно военные силы из Москвы, Самары и Уфы.

Тургайские и иргизские повстанцы в ноябре и декабре 1916 года вели энергичные бои с карательными отрядами есаулов Фролова и Грызунова, подполковника фон Розена и полковника Клокова, наступавших из Актюбинска и Челкара на Иргиз и Тургай. Бои происходили в районе озер Сабын-Куль, Кара-Куга и Кзыл-Куль,

[1] Большевистская листовка.

затем на урочищах Аксиганака, Каракудука. В этих боях, несмотря на ураганный артиллерийский и пулеметный огонь, свирепые морозы и бураны, повстанцы показали храбрость и мужество и приостановили движение царских войск. Об этом разгневанный генерал Лаврентьев и его начальник штаба докладывали командованию: «Сплошной массой мятежники двинулись на отряды. Несмотря на открытый артиллерийский, пулеметный и оружейный огонь, киргизы продолжали наступление».

В ряде сражений царские войска потерпели серьезное поражение, особенно в боях на тракте Перовск — Шолаксай, в местечке Карабутак. Путь в Тургай со стороны Перовска карателям надежно закрыли отряды Жанабая Ниязбекова и Акмолды Кургамысова.

В районе Атбасара, где царские опричники намеревались захватить рудники Джезказгана, Карсакпая, Байконура и наступать затем на Тургай, их задержали повстанцы — рабочие Карсакпая и сарбазы под руководством рабочего Мамбетбая и Исы Даулетбекова. В этом бою командиры отрядов погибли смертью храбрых, а большинство повстанцев присоединилось затем к сарбазам Амангельды.

25 декабря 1916 года в урочище Коюк-Шокалы произошло ожесточенное сражение. Снайперы-сарбазы, укрывшись в отдельных дворах и камышах, не подпускали к себе близко кавалеристов, меткими пулями уничтожили много солдат и завладели их оружием. Амангельды Иманов находился на самых опасных участках, руководил боем и сражался с саблей в руках. Взбешенные стойкостью повстанцев, каратели подожгли камыши и дворы, погубив сотни невинных стариков и детей.

В январе 1917 года развернулись крупные бои в районе озера Кок-Копа, где повстанцы перерезали и захватили тракт между Тургаем и Шолаксаем. Не сумев силой оружия подавить восстание, царское правительство пытается разложить народную армию с помощью своих агентов, местных баев-феодалов. Враждебные народу феодально-байские элементы преследовали двоякую цель: нажиться в ходе народной войны за счет трудящихся масс, а в случае поражения восстания ценой предательства и измены получить привилегии со стороны царского правительства. Амангельды разоблачал баев и

ханов, временно примкнувших к восстанию в корыстных целях. Выступая на Военном совете, он говорил:

«Бию нельзя верить, он всегда судит в пользу бая, потому что от бая он получает хорошее вознаграждение. А от бедняка что ему получить? Нельзя также верить и баю. С ним у нас никогда не будет одной дороги. И если сейчас некоторые из баев и султанов с нами, то в трудную минуту они покинут нас. А самые трусливые и презренные и продадут».

Слова Амангельды, к сожалению, очень скоро подтвердились. Когда после 26-дневной осады Тургая под напором подошедших на помощь осажденному гарнизону войск восставшие вынуждены были отступить и на Военном совете встал вопрос, куда отходить, один из ханов — Оспан Чулаков заявил, что он не будет отступать в степь согласно общему плану, и увел своих сарбазов. Через два месяца, растеряв в бесплодных стычках или просто распустив по домам людей, Чулаков 17 января 1917 года явился с повинной к царским властям и выдал многих из тех, с кем сражался в одних рядах.

В условиях стихийных крестьянских движений трудно требовать от народа великодушного отношения к своим вековым угнетателям. Тем не менее, в то время как каратели вешали и расстреливали повстанцев без всякого суда, Амангельды в самых тяжелых условиях не допускал самочинных действий.

Амангельды и его соратники неустанно заботились о моральном состоянии отрядов, очищали их от неустойчивых элементов, руководили не только вооруженными силами, но и проводили большую работу по созданию органов власти из трудящихся, разоблачали буржуазных националистов, особенно лидеров буржуазных националистов Байтурсунова, Дулатова, которые требовали, чтобы повстанцы сложили оружие, уговаривали народ выполнить царский указ о мобилизации. Вот что писали они в одном из обращений: «Мы слышали басни о том, что посланные на тыловые работы джигиты будут мишенью и их пошлют на самые опасные места. Между тем... они живут хорошо. Послушайтесь, не проливайте кровь, не сопротивляйтесь».

Предательство баев ярко подтверждало слова В. И. Ленина о том, что в эпоху империализма «буржу-

азия угнетенных наций *только* болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной *и против* своего народа...»[1]

* *
*

В начале февраля 1917 года царские войска продвинулись к району сосредоточения сарбазов — Батпаккаре. Первое сражение с отрядом полковника Тургенова произошло 18 февраля 1917 года в районе аула № 6, Каракогинской волости. Бой продолжался целый день.

21 февраля развернулся продолжительный бой в урочище Кумкешу, Каратураской волости. В этом сражении сказалось превосходство правительственных войск в вооружении, особенно им помогла артиллерия. Сарбазы отошли от Батпаккары к Акуткулю.

24 февраля 1917 года в районе Урпек-Догалы произошло одно из самых продолжительных и кровопролитных сражений, в котором обе стороны понесли большие потери. Повстанцы проявляли необычайное мужество. Одна из групп снайперов-сарбазов, оказавшись в окружении, метким огнем уничтожала карателей. Взбешенные их упорством, офицеры приказали поджечь сено и дома, откуда снайперы вели огонь. Все сарбазы погибли, но не сдались врагу. Двое попавших в окружение разведчиков-казахов отстреливались до последней возможности и, чтобы живыми не попасть в руки врага, покончили жизнь самоубийством. Восставшим оказывали помощь и стар и млад. Например, 12-летние мальчики Досымбек и Шайдилда, рискуя жизнью, доставляли в штаб Амангельды сведения о численности вражеских частей и вооружении.

В тяжелой обстановке неравных боев Амангельды Иманов умело руководил сарбазами, находился на самых опасных участках боя. История восстания знает немало фактов, свидетельствующих о его незаурядном полководческом таланте. Так, в долине Акоткел он направил в тыл наступающим регулярным частям отряд своих сарбазов и причинил противнику серьезный урон в живой силе.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 23, стр. 49.

Не добившись победы, понеся значительные потери, царские войска возвратились в Батпаккару. В пути они грабили мирных жителей, сжигали целые аулы, истребляли мирное население, угоняли скот, захватывали имущество.

Военный совет повстанцев решил командировать Алибея Джангильдина через Среднюю Азию в Оренбург. Он должен был установить необходимые связи и добиться помощи сарбазам Казахстана со стороны народов Средней Азии и Приуралья. По пути Джангильдин узнал о свершившейся в России Февральской революции. Он отправился в Петроград.

В дни, когда закончились бои под Батпаккарой, в Казахстан пришло сообщение о свержении царя.

«Царская власть сметена,— писал А. Джангильдин Амангельды Иманову.— Если карательные отряды будут продолжать грабить население, завлекайте их в глубь степей. До моего возвращения никому не верьте и оружия не слагайте».

Народно-освободительное восстание в Казахстане сыграло важную роль в ходе революционной борьбы народов России против царского самодержавия. Оно возникло в обстановке начинавшегося революционного кризиса в России и слилось с революционной борьбой русского рабочего класса и крестьянства против империалистической войны и царизма, с борьбой за свободу и землю, за диктатуру пролетариата. Поднявшийся на борьбу угнетенный казахский народ, как и другие народы окраин России, стал резервом российского пролетариата в буржуазно-демократической, а затем и социалистической революции.

Революционное по целям и методам борьбы, крестьянское по своим движущим силам, стихийное по характеру, восстание 1916 года усилило дальнейшее размежевание классовых сил в ауле, поднимало классовое самосознание трудящихся. Оно способствовало ослаблению военной силы царского правительства. Опыт, приобретенный трудящимися Казахстана в народно-освободительном восстании 1916 года, помог рабочему классу России в октябре 1917 года осуществить соединение пролетарской революции не только с крестьянской войной, но и с войной национально-освободительной.

СЕРДЦЕМ ЛЕНИНА ПОЛЮБИВ...

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года свергла царизм, однако Временное буржуазное правительство действовало под флагом «единой и неделимой России», продолжало политику национального гнета.

Известие о падении династии Романовых вызвало растерянность казахской верхушки: не стало хозяина, которому она служила верой и правдой, помогая душить свой народ. Но страхи оказались преждевременными. Нет самодержавия, но есть буржуазное Временное правительство. По-прежнему везде сидят царские чиновники и строго охраняют старые порядки. Как и раньше, управляет краем царский генерал-губернатор Куропаткин. Правда, в степи неспокойно. Амангельды не распустил своих сарбазов. Его отряды по-прежнему держат в руках целые районы. Каратели генерала Лаврентьева не могут смирить «взбунтовавшихся» бедняков.

Не изменилась и национальная политика. Временное правительство не дало свободы и независимости угнетенным народам окраин России. Для управления Туркестаном и Казахстаном создавались комитеты, в состав которых входили кадеты, меньшевики, эсеры и буржуазные националисты. Комиссаром Тургайской области был назначен один из лидеров буржуазных националистов — Букейханов.

На своих съездах в Уральске, Семиречье, Акмолинске, Семипалатинске и Оренбурге буржуазные националисты призывали к поддержке Временного правительства, местные органы которого продолжали преследовать участников восстания. В Тургайской области до лета 1917 года сохранялось военное положение, введенное еще царским правительством. Спасаясь от преследования, некоторая часть повстанцев ушла в Китай. После Февральской революции они стали возвращаться на родину. Как правило, чиновники буржуазного правительства поселяли их на самых непригодных, безводных землях.

— Товарищи, граждане! — говорил Алибей Джангильдин на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.— Мы, киргизы, вместе с рус-

ским народом выражаем свою радость по поводу освобождения страны от царского ига. Здесь, в России, вы обсуждаете свои нужды, а в степях киргизских экспедиционная армия во главе с генералом Лаврентьевым, карательные отряды Николая II, свергнутого здесь, в России, продолжают свою преступную работу, расправляясь с тысячами киргизов.

...В зале раздались возгласы: «Это позор, позор!» [1]

По предложению большевиков Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение потребовать от Временного правительства немедленного отзыва из Казахстана царских карателей.

В казахских степях нашли горячий отклик знаменитые Апрельские тезисы В. И. Ленина, статьи в газете «Правда», ленинские лозунги: «Вся власть Советам!», «Никакой поддержки Временному правительству!». Под руководством большевиков рабочие, крестьяне и вернувшиеся с фронтов солдаты сами стали отстранять царских губернаторов, уездных начальников, начальников жандармерии и создавать Советы рабочих и крестьянских депутатов.

В работе Советов наряду с русскими рабочими и солдатами активное участие принимала казахская беднота, главным образом из числа участников восстания 1916 года. В апреле и мае 1917 года во многих уездах состоялись крестьянские съезды.

Деятельность Амангельды Иманова протекала в обстановке всеобщего подъема революционного движения рабочих и крестьян как в Центральной России, так и на ее окраинах. Амангельды с помощью своих товарищей, большевиков, быстро разобрался в создавшейся обстановке, понял сущность антинародной, колониальной политики Временного правительства и решил не складывать оружия. Он не только не распустил сарбазов, но, наоборот, укрепил, реорганизовал, очистил отряды повстанцев от неустойчивых элементов. В марте 1917 года Амангельды созвал совещание представителей трудящихся масс всех волостей Тургайского уезда.

На совещании Иманов был избран председателем Временного революционного комитета. Комитету из семи

---

[1] См. «В огне революции». Алма-Ата, 1957, стр. 51.

человек передавалась вся власть и руководство борьбой трудящихся. В его работе принимали активное участие боевые соратники Амангельды — Николай и Александр Токаревы, И. Денисов, К. Койдосов, И. Жусупов, командиры отрядов О. Тнымов, Х. Токин, А. Карабаев и др.

В это время в Тургай прибыл Алибей Джангильдин в качестве представителя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Партия послала его в Казахстан для организации Советов. Неуклонно и последовательно проводя в жизнь политику большевистской партии, А. Джангильдин вел непримиримую борьбу с предательской кликой алашордынцев [1].

Местные органы Временного правительства и буржуазные националисты всячески противодействовали Амангельды Иманову и Алибею Джангильдину. Комиссару Временного правительства по Тургайской области Букейханову удалось арестовать А. Джангильдина. Одновременно он запросил согласие министра внутренних дел об аресте Амангельды Иманова и его боевых друзей: «Успокоение уезда требует ареста их. Из-за них я держу в уезде четыре сотни казаков. Прошу вашего разрешения арестовать Амангельды Иманова».

Однако арестовать Амангельды не удалось.

Недолго пришлось Букейханову держать в тюрьме и Алибея Джангильдина. По требованию Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов он был освобожден. После освобождения из тюрьмы Джангильдин немедленно выехал в Петроград. Там он связался с большевистской фракцией Петроградского Совета и рассказал о продолжавшихся еще позорных действиях царских карателей в Тургайской степи...

Карательные отряды продолжали насилия и расправы. Букейханов не признал Временного революционного комитета и для управления Тургайским уездом назначил комиссаром националиста О. Алмасова. Лидеры партии «Алаш» всеми силами старались заставить Амангельды и его бывших тысячников вернуть баям налоги и скот, взысканные по решению народа во время восстания. Они требовали суда над Амангельды. Баев-феодалов поддерживал бывший хан Жанбусынов.

---

[1] «Алаш орды» — партия местных буржуазных националистов.

В июле 1917 года с разрешения Временного правительства алашордынцы организовали в Батпаккаре «суд биев» — процесс над Амангельды Имановым и его тысячниками. Амангельды разоблачал баев-феодалов, говорил, что буржуазные националисты — верные проводники политики Временного правительства и империалистической буржуазии, и не признал себя виновным. Из обвиняемого превратившись в обвинителя, он говорил на суде:

«В прошлый раз они широко оповестили, что амнистируются все те народы, которые в свое время выражали недовольство царским режимом или поднимали восстания против царизма... Оправдались ли их заверения? Нет, не оправдались. На сегодня стало ясно лишь одно то, что они обманывали нас... Они нас судят и осуждают, грабят, отбирают имущество у народа за то, что народ сегодня не хочет оставаться под гнетом баев и не хочет плясать под дудку байских интересов. Прошлый раз они объявили свободу. Но сегодня народ вполне убедился в том, что и это оказалось ложью от начала до конца».

Алаш-ордынский суд приговорил Амангельды к 10 годам ссылки в Сибирь, тысячников его — к 3—5 годам. На других участников восстания была наложена контрибуция в размере 150 тысяч голов крупного скота и 70 тысяч рублей деньгами.

Но народные массы не дали алашордынцам возможности привести приговор в исполнение, сорвали и другие их контрреволюционные замыслы.

Амангельды Иманов собрал своих сарбазов, представителей восьми волостей, и от их лица направил жалобу на алаш-ордынский произвол в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Он ведет борьбу против местных органов Временного правительства и алашордынцев, собирает силы трудящихся для новых боев.

Тургайцы через Алибея Джангильдина, приехавшего в Тургай вторично в июле 1917 года (на этот раз в качестве инструктора Петроградского Совета), связались с оренбургскими, актюбинскими, кустанайскими, атбасарскими и карсакпайскими большевиками.

Временный революционный комитет решил укрепить связи с рабочими рудников и других промышленных

предприятий края. С этой целью Амангельды Иманов и его товарищи летом и осенью 1917 года побывали на ряде рудников, в аулах, проводили агитационно-разъяснительную работу, принимали на местах практические меры по укреплению народной власти. Народ смещал волостных управителей, выбирал в органы местной власти бывших тысячников. Сарбазы Амангельды отбирали байские земли, запрещали барымту (насильственный, воровской угон скота), встали на защиту прав женщин.

«Судьба казахского народа связана с победой большевиков. Поэтому мы всеми силами должны помочь русским большевикам»,— неустанно повторял Амангельды, выступая перед народом.

И бедняки помогали. Накануне Октябрьского вооруженного восстания 1917 года местная администрация с тревогой отмечала, «что в случае непринятия теперь же безотлагательных мер вся Тургайская степь в скором будущем будет охвачена всеобщим волнением, подобным прошлогоднему».

Но органы Временного правительства уже не успели принять никаких мер.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде всколыхнула Тургайскую степь. Выступая на митинге трудящихся Тургая и представителей большевиков Актюбинска и Кустаная, Амангельды Иманов говорил:

«Поздравляя вас с победой пролетарской революции, призываю силой оружия свергнуть ненавистную власть Временного правительства на местах. Требую отстранить комиссара Временного правительства Алихана Букейханова, освободить Тургай».

Опираясь на поддержку народа, большевики созвали совещание руководителей отрядов во главе с Амангельды и наметили мероприятия по овладению Тургаем.

В конце декабря 1917 года отряды под командованием Иманова вошли в Тургай и установили там власть Советов. Амангельды был назначен военным комиссаром Тургайского уезда.

В борьбе за власть Советов в Казахстане особое значение имели центр Тургайской области Оренбург и центр народного восстания Тургай. Учитывая важное значение Оренбурга, контрреволюционные силы еще в ноябре

1917 года разгромили местный Совет и Военно-революционный комитет и создали так называемое «Войсковое правительство» во главе с атаманом Дутовым.

В освобождении Оренбурга от банд атамана Дутова кроме отрядов, сформированных в Казахстане, участвовали моряки Петрограда, рабочие Самары и других городов, а также отряд кавалеристов, сформированный А. Джангильдином. Сарбазы Амангельды Иманова в это время отрезали от Дутова Тургайскую степь, лишив его источников снабжения. Таким образом, согласованные действия красногвардейских частей и сарбазов Амангельды обеспечили разгром казачьей банды атамана Дутова и примкнувших к ней алашордынцев. 18 (31) января 1918 года в Оренбурге была восстановлена власть Советов.

Чрезвычайный народный комиссар Тургайской области Алибей Джангильдин послал из Оренбурга Амангельды Иманову приветственную телеграмму по поводу поражения Дутова, «Алаш-орды» и установления Советской власти в Центральном Казахстане. В результате разгрома дутовской банды и алашордынцев создалась возможность созыва областного съезда Советов, на который от Тургайского уезда было избрано более 50 делегатов, в большинстве — участники восстания 1916 года.

Областной съезд Советов, проходивший в Оренбурге с 21 марта по 3 апреля 1918 года под председательством А. Джангильдина, решил жизненно важные для края вопросы о земле, хлебе, финансах, организации местных Советов, комплектовании добровольческих национальных частей Красной Армии.

Выступая на съезде, Амангельды Иманов активно защищал большевистские предложения по вопросам о земле, продовольствии, о создании в области частей Красной Армии. Съезд единодушно одобрил внутреннюю и внешнюю политику Советского правительства. Председателем исполкома областного Совета съезд избрал Алибея Джангильдина.

Во время работы съезда на Оренбург напала дутовская банда. Делегаты съезда вместе с рабочими встали на защиту города. На помощь подоспел красноармейский полк из Самары. Амангельды Иманов все время находился в первых рядах сражавшихся. Делегат съезда

Альджан Карабаев рассказывал, что Амангельды возглавил группу делегатов и через несколько часов боя соединился с красноармейцами. Отбив атаку дутовцев, съезд продолжал свою работу.

После окончания работы съезда, получив оружие, обмундирование и боеприпасы, Амангельды Иманов возвратился в Тургай и при поддержке Советов приступил к организации красногвардейских отрядов. В них в основном вступали бывшие участники национально-освободительного восстания, рабочие рудников и молодежь.

«Теперь мы отстаиваем,— говорил красногвардейцам Амангельды,— свою свободу уже не камчой и айбалтой (секирой), как в 1916 году, а ружьем, которое дает нам Советская власть».

Один из бывших красногвардейцев, Кокше Жаукетов, вспоминая об этих днях, рассказывает:

«Отряд, организованный Амангельды Имановым, размещался в казарме, где был полный порядок и военная дисциплина. Их (добровольцев) обучали военному делу. Когда дутовские бандиты дважды наступали (в апреле и в мае 1918 года) на Тургай, красноармейские отряды во главе с Амангельды Имановым дали им сокрушительный отпор, и враг вынужден был отступить, город был избавлен от опасной угрозы».

Об организации А. Имановым красногвардейских отрядов и их действиях А. Джангильдин в своем сообщении на имя Совета Народных Комиссаров РСФСР писал: «...Тургайские киргизы, идущие в авангарде социалистического движения в степи, впервые вынесли на областном съезде постановление об образовании «народных русско-киргизских социалистических отрядов» и доказали на деле, при нападении дутовских контрреволюционных отрядов, свою преданность Советской республике, защищая последнюю, даже не будучи достаточно вооруженными».

После разгрома дутовских банд и алашордынцев советские работники во главе с Амангельды Имановым в июне 1918 года выехали в аулы. Там они провели выборы аульных и волостных Советов. Во время своих поездок Амангельды разъяснял трудящимся новые порядки и законы Советской власти. Он заставлял баев-феодалов сполна оплачивать труд батраков и бедняков, помогал

решать споры, возникавшие между баями и бедняками, защищал права угнетенных женщин. Большое внимание Амангельды уделял земельному вопросу. Захваченные баями у бедняков земли были отобраны у них и на основе декрета Советского правительства возвращены трудящимся.

Когда Амангельды приехал на рудники Байконур и Карсакпай, рабочие пожаловались ему на притеснения со стороны администрации. За невыполнение советских законов и издевательства над рабочими комиссар арестовал управляющего Байконурским рудником. От имени Советской власти он обязал хозяина Карсакпайского рудника — английского капиталиста — сократить продолжительность рабочего дня до восьми часов, выдавать рабочим зарплату два раза в месяц, обеспечить их жильем и улучшить качество продовольствия. Для контроля за исполнением советских законов на рудниках была создана рабочая милиция, которой Амангельды от имени уездного Совета предоставил широкие права.

Обращаясь к рабочим, Амангельды говорил:

— Власть теперь в наших руках. Имеете полное право требовать и получать зарплату за свой труд. Хозяин рудника обязан выполнять законы Советского правительства, а ваш долг — контролировать выполнение законов своего правительства.

Революционные акты Амангельды Иманова находили всеобщую поддержку со стороны трудящихся. Он давал решительный отпор байским проискам, пресекая все их попытки сорвать работу Советской власти на местах.

Это был напряженный период в деятельности Амангельды Иманова. Он выступает в роли агитатора, пропагандиста и организатора Советской власти на местах, учится искусству большевистского руководства массами.

О напряженной деятельности военного комиссара Амангельды Иманова народный акын Сят Есембаев пел:

К подлинному счастью придут
Дети человечества.
Пышно расцветет
Степь Сары-Арка.
Все это создаст,—
Говорил нам Иманов,—
Вождь, по имени Ленин.

Всю свою кипучую энергию, организаторский талант и способности посвятил Амангельды Иманов делу великой партии Ленина, делу торжества родной и близкой народу Советской власти.

* *
*

В годы гражданской войны положение Советского Казахстана стало критическим: он оказался в огне вражеских фронтов. В то время, опираясь на белогвардейцев и буржуазных националистов, империалисты США, Англии, Франции и Японии организовали мятеж чехословацкого корпуса. А на Волге было создано Самарское, в Омске — Сибирское белогвардейские «правительства». Враги направили главный удар через Среднее Поволжье на Москву. На территории Казахстана мятежники совместно с белогвардейскими бандами и буржуазными националистами заняли Петропавловск, Семипалатинск, Кустанай, а затем Тургай. В захваченных районах снова засвистела камча волостного управителя, аульного старшины и урядника.

Алаш-ордынское «правительство», перебравшееся в Семипалатинск, приступило к организации отрядов для борьбы с Красной Армией. Буржуазные националисты кричали о том, что создадут обширное государство, объединив всех мусульман тюркского происхождения.

В ответ на призыв Центрального Комитета партии и Советского правительства к трудящимся — отстоять завоевания Октября — сотни тысяч рабочих и крестьян пошли добровольцами на фронт. Славную страницу в историю гражданской войны вписали трудящиеся Тургайской степи.

С захватом Тургая белогвардейцами управление городом перешло в руки бывшего уездного начальника Гарфу и бывшего комиссара Временного правительства Алмасова. Они установили в городе военный режим и предприняли карательные меры против сторонников Советской власти. Однако отдаленные от города районы и волости находились под контролем революционных отрядов, руководимых Амангельды Имановым.

В связи с создавшейся обстановкой Амангельды отвел эти отряды в степь, к Байконурскому и Карсакпайскому

рудникам. Вместе с подпольными советскими работниками он формировал новые отряды из рабочих и крестьян, устанавливал связи с подпольными партийными организациями Кустаная и Атбасара. Прежде всего необходимо было восстановить прямую связь с Советской Россией и не пустить белогвардейцев в глубь степей. Отряды Амангельды стойко сражались в этом районе. Вплоть до конца 1918 года они сохранили большой район степи от проникновения туда белогвардейцев. Более того, оказавшись в тылу врага и перейдя к партизанской войне, отряды Амангельды держали под постоянной угрозой левый фланг белогвардейской армии на актюбинском фронте. Своими рейдовыми операциями они разрывали коммуникации белогвардейцев, проходившие через Тургайскую степь на северо-восток.

В этот трудный для трудящихся казахов момент на помощь им пришел русский народ. Всей борьбой с контрреволюцией руководил Центральный Комитет Коммунистической партии. В ноябре 1918 года Совнарком РСФСР назначил Алибея Джангильдина чрезвычайным комиссаром Степного (Казахского) края и поручил ему организовать красногвардейские национальные части в Казахстане, а также доставить актюбинскому фронту вооружение и боеприпасы.

В августе 1918 года во главе специальной экспедиции Алибей Джангильдин направился в Казахстан. Погрузив в форте Александровский[1] вооружение и боеприпасы на верблюдов, экспедиция благополучно в ноябре 1918 года прибыла на станцию Челкар[2]. Совершив многосоткилометровый переход через безводные, солончаковые пустыни и «мертвые» пески, экспедиция доставила по назначению вооружение и боеприпасы, оказав большую помощь актюбинскому фронту.

В Иргизе Алибей Джангильдин организовал новый отряд во главе с большевиком Киселевым. С этим отрядом он направился в Тургайскую степь. Навстречу ему вышел со своим партизанским отрядом Амангельды Иманов. Объединенными силами они 29 ноября 1918 года

---

[1] Форт Александровский — на полуострове Бузачи, на северо-восточном побережье Каспийского моря.

[2] Челкар — станция на железной дороге Актюбинск — Аральск.

заняли Тургай, выбив оттуда белогвардейцев и алашордынцев. Оставив в городе часть красноармейцев, пулеметы и винтовки, Джангильдин возвратился на актюбинский фронт.

В эти дни в жизни Амангельды произошло важное событие — свою идейную связь с большевиками он теперь оформляет и организационно: славный сын казахского народа вступил в ряды Коммунистической партии.

Для сопровождения Джангильдина были выделены десятки джигитов Амангельды во главе с Кошумбековым, который работал заместителем заведующего отделом по национальному вопросу при чрезвычайном комиссаре Степного края.

Для формирования новых отрядов Амангельды Иманов получил от Джангильдина деньги, обмундирование, вооружение и боеприпасы. Это позволило ему сформировать два казахских кавалерийских эскадрона и пулеметную команду. Для подготовки командного состава была организована школа младших командиров, а также курсы пулеметчиков. Особое внимание Амангельды обращал на боевую и политическую подготовку бойцов.

Обращаясь к красногвардейцам, Амангельды говорил:

«В 1916 году мы с камчой и топором дерзнули вырвать с корнем царизм. Теперь, в революционном бою, при помощи русского народа разгромим до конца белые банды, уничтожим предателей-алашордынцев и построим счастливую жизнь».

В начале 1919 года Красная Армия освободила от белогвардейцев и алашордынцев Оренбург, затем — большинство уездов и районов Тургайской и Уральской областей. В освобожденных городах и районах восстанавливалась Советская власть. Однако в это время над Советской республикой вновь нависла опасность, угрожавшая и Казахстану. Из Сибири наступала армия адмирала Колчака, захватившая в апреле 1919 года Орск и Актюбинск. Временные успехи Колчака активизировали контрреволюционную деятельность алашордынцев. Один из лидеров алашордынцев — Букейханов 11 февраля 1919 года на созванном колчаковским «правительством» совещании заявил: «Постановление съезда (съезд «Алашорды».— *Н. А.*) было вызвано желанием предотвратить

анархию на территории, населенной киргизами, не допустить возможности развития большевизма в степи».

Для организации борьбы с Колчаком Центральный Комитет партии направил на Восточный фронт выдающихся политических и военных деятелей: М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, М. Н. Тухачевского. В воззвании к казахскому народу, подписанном М. В. Фрунзе, говорилось:

«Красная Армия прибыла сюда для освобождения казахского народа от гнета и насилия, от белогвардейцев и алашордынцев... Посылайте немедленно ко мне своих джигитов, защитников бедноты,— я дам им оружие, составлю из них полки для защиты трудового народа. Да здравствует крепкий, нерушимый союз киргизской бедноты с трудовым казачеством и с рабочими и крестьянами России!» [1]

И джигиты откликнулись на призыв М. В. Фрунзе. Они шли навстречу Красной Армии за 300—400 километров, бесстрашно пробирались через «гиблые» пустыни, пески, через линию фронта. За короткий срок из них было сформировано 37 казахских советских воинских частей, которые плечом к плечу с другими защитниками Родины сражались на фронтах гражданской войны.

Тем временем белогвардейцы возобновили наступление на Оренбург, но после неудачной попытки взять его перенесли тяжесть удара на Актюбинск и 11 апреля 1919 года захватили город. В это же время алашордынцы стремились захватить город Тургай, однако воины Амангельды отражали их неоднократные атаки. Убедившись в невозможности разбить красноармейские отряды Амангельды Иманова в открытом бою, враги прибегли к вероломству. Лидеры алашордынцев Байтурсунов и Дулатов заявили, что они «признают» Советскую власть и готовы перейти на ее сторону. В марте 1919 года они послали своих представителей к Амангельды Иманову с просьбой разрешить вступить их отрядам в Тургай, чтобы слиться с красноармейским гарнизоном города.

Амангельды Иманов категорически отказался удовлетворить просьбу алашордынцев. Одновременно он поставил в известность Алибея Джангильдина, который

---

[1] «Красный Урал», 16 февраля 1919 г.

тогда находился на съезде Туркестанской республики в Ташкенте.

Чтобы создать видимость «честности» своих намерений и ввести в заблуждение Тургайский Совет, лидер алашордынцев Байтурсунов приехал в советский Оренбург «с повинной», оставив в Тургае своего единомышленника Дулатова. Военный комиссар области Н. Токарев сообщил в Москву о неожиданном «признании» Советской власти алашордынцами и о приезде их лидера Байтурсунова в Оренбург.

Амангельды, не веря в искренность алашордынцев, настаивал на разоружении и роспуске их отрядов, ликвидации самой организации алашордынцев. Однако часть работников Тургайского Совета проявила беспечность и разрешила представителям «Алаш-орды» ввести в город вооруженный отряд. Алашордынцы развернули подрывную деятельность внутри города. Активную поддержку оказывали им пленные турецкие офицеры.

Советские войска в это время готовились к наступлению на станцию Челкар. Амангельды Иманов направил специальных уполномоченных для сбора продовольствия и подвод для нужд отрядов и готовился в поход для соединения с частями Красной Армии. 16 апреля 1919 года Алибей Джангильдин разговаривал по телеграфу с Амангельды Имановым и предложил ему направить отряд на актюбинский фронт. В связи с этим было созвано заседание Военного совета. На нем Дулатов выступил против похода. Он говорил о трудностях, о якобы ненужных усилиях, которые приведут к массовой гибели неопытной казахской молодежи на фронте.

Разоблачая предательское выступление Дулатова, Амангельды заявил:

— Вы предатель и трус. Я сам отправлюсь на фронт с красноармейцами. Победа большевиков есть и наша победа, поэтому мы всячески должны помогать им и с оружием в руках идти на фронт, ибо свобода и независимость казахского народа связаны с победой большевиков.

И он тут же отдал приказ о подготовке к походу.

Предатели решили во что бы то ни стало сорвать выступление тургайского отряда. С этой целью они подняли мятеж в Кайдаульской и Кзылжингильской волостях.

Амангельды Иманов вынужден был направить свои отряды на подавление этого мятежа.

Использовав удобный момент, алашордынцы при помощи турецких офицеров совершили в Тургае контрреволюционный переворот. Самой преданной Советам и боеспособной частью гарнизона оказалась команда пулеметчиков. Однако командир отряда, скрытый сторонник алашордынцев, вызвал к себе 15 пулеметчиков, арестовал их и разоружил команду. Затем Дулатов, Алмасов и пробравшийся в аппарат уездного военного комиссариата Токтобаев в ночь с 18 на 19 апреля 1919 года арестовали и заключили в тюрьму Амангельды Иманова.

Таким образом власть в Тургае оказалась в руках алашордынцев. Через несколько дней они послали своих представителей навстречу колчаковцам.

А в это время к Тургаю продвигался отряд кустанайских партизан во главе с председателем Кустанайского Совета, большевиком Л. Тараном. Этот отряд должен был вместе с отрядами Амангельды двигаться на соединение с Красной Армией. Не подозревая, что Тургай уже в руках алашордынцев, кустанайцы двигались без предосторожностей. Недалеко от города их встретил небольшой отряд с красным флагом.

— Наш командир приказал,— сказал один из представителей алашордынцев,— чтобы все разоружились, потому что есть такой закон: когда переходите через чужую территорию, надо разоружиться.

— Как же так? — удивились кустанайцы.— Ведь у вас тоже Советская власть!

— Власть Советская, но в Тургае киргизское правительство. А когда все прибудете туда, оружие вам вернут.

Чтобы не осложнять обстановку, Таран отдал распоряжение разоружиться. Как только отряд был разоружен, встречавшие окружили его и, угрожая оружием, предложили следовать в город. Там Таран и его бойцы были арестованы.

Алашордынцы распоясались. Они направили по аулам карателей, грабили население, преследовали сторонников Амангельды. Уверенные в своих силах и безнаказанности, алашордынцы созвали в Тургае совещание, на которое пригласили представителей баев и духовенства. Дулатов информировал участников совещания

о программе своего «правительства» и просил их оказать ему поддержку и помощь. Прибывшие на совещание представители трудящихся — бывшие тысячники Амангельды А. Карабаев, Д. Сандыбаев, К. Кабаков и другие — потребовали освободить из тюрьмы Иманова, отозвать карателей из аулов и привлечь к ответственности их за те безобразия и насилия, которые они чинили. Однако алашордынцы не посчитались с этим требованием.

В это время к Тургаю двигался второй отряд кустанайских партизан. Далеко от города его встретили находившиеся в подполье тургайские большевики К. Койдосов и Х. Токин. Они предупредили партизан о совершившемся контрреволюционном перевороте. Амангельды Иманов, очевидно, от друзей Тарана, сидевших в тюрьме, узнал, что к Тургаю должен подойти этот второй отряд. Из тюрьмы он сумел передать одному из своих товарищей записку:

«Слушай, друг, я знаю, что на Тургай наступают красные партизаны-кустанайцы. Думаю, я не доживу до их прихода, алашордынцы готовятся убить меня. Будьте верны большевикам».

18 мая 1919 года партизанский отряд предпринял наступление на Тургай. Бой продолжался полдня. Стремительное наступление красногвардейцев вынудило алашордынцев покинуть город. Но алаш-ордынская банда успела совершить свое гнусное преступление. Она поручила одному из главарей алашордынцев, Омару Алмасову, непосредственно руководить убийством народного героя, военного комиссара Амангельды. В ночь на 19 мая 1919 года бандиты вывели из тюрьмы Иманова и Тарана, окружили их плотным кольцом и повели по спящему городу. В полутора километрах от северной окраины Тургая, у большого оврага, процессия остановилась. Убийцы набросились на свои жертвы. Избитый, уже с трудом держась на ногах, батыр нашел силы, чтобы крикнуть в лицо палачам:

— Я большевик! Смерть мне не страшна! Я боролся не с отдельными лицами, а выступал против господства эксплуататоров, за свободу трудящихся масс. Я глубоко уверен, что верные сыны казахского народа отомстят за мою смерть, продолжат борьбу до победного конца.

Я верю в то, что Советская власть победит, а вас покарает, как коварных врагов народа!

Много песен сложено о трагической гибели батыра. В песне одного из акынов — «Плач жены Амангельды» говорится:

Народ поднимался и шел за тобой
На счастье, на муку, на праведный бой.
  Тому, кто споткнулся,— опорой ты был.
  Раздетому, голому — шубой ты был.
  Боялся богатый изменник тебя,
  А каждый бедняк уважал и любил.
Ты юношей начал джигитов сбирать.
А в сорок три года — великая рать
Пошла за тобою, врагов одолев;
Ты вел ее — сильный и храбрый, как лев.

Надежда народного героя сбылась. Казахский народ, с глубокой скорбью и негодованием встретив весть о его злодейском убийстве, довел борьбу с баями до победного конца. Весной и летом 1919 года казахская беднота сотнями и тысячами добровольно записывалась в ряды красногвардейских частей и под руководством пролетарских полководцев стойко сражалась с врагами.

Непрерывно пополняясь новыми боевыми отрядами, Красная Армия перешла в решительное наступление на армии Колчака. В августе 1919 года она освободила Орск и Кустанай, а в сентябре — Актюбинск. Огромная армия белых сдалась Красной Армии в районе Челкара.

Из освобожденного Кустаная небольшой отряд в 300—400 человек под командованием А. Джангильдина двинулся к Атбасару. Узнав о гибели Амангельды, он свернул на Тургай. По дороге отряд вырос до тысячи человек. О движении отряда знали не только друзья, но и враги. В 150 километрах от Тургая отряд встретила сотня вооруженных всадников во главе с активными участниками восстания 1916 года. Они сообщили, что отряд колчаковцев несколько дней назад покинул Тургай, так как им стало известно, что к городу движется Джангильдин «во главе десятитысячного отряда».

Тургай снова стал свободным. На этот раз защитники Советов навсегда водрузили над ним победоносное красное знамя Октября.

Участники I Тургайского уездного съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов, собравшегося в июле

1920 года, в телеграмме на имя В. И. Ленина писали: «Первый киргизский Тургайский уездный съезд Советов, после трехлетней героической борьбы трудящихся Советской России за освобождение угнетенных классов и народов, приступает к осуществлению великого лозунга Октябрьской революции: «Вся власть Советам!». Съезд избрал Вас почетным председателем. Съезд приветствует в Вашем лице центральную Советскую власть, единственную защитницу угнетенных и эксплуатируемых, и обещает ей всемерную поддержку» [1].

В октябре 1920 года была образована Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика. Так завершилась почти пятилетняя борьба за свободу и счастье трудящихся в крае и городе, где героически сражался и погиб выдающийся сын казахского народа Амангельды Иманов.

Народный батыр Амангельды своей непоколебимой верностью и преданностью делу Коммунистической партии, всей своей замечательной жизнью показал пример, как нужно любить и защищать Советскую Родину, как самоотверженно служить делу партии, делу народа.

Великий акын Джамбул Джабаев пел об Амангельды Иманове:

Благородный Амангельды! Среди нас его нет смелей.
Его Родина — весь простор неоглядных серых степей.
Он за счастье своей земли поднял наш казахский народ
И отважно его повел по дорогам войны вперед.
Сердцем Ленина полюбив, он был верен ему во всем.
Меткой пулей бил врагов, находясь всегда под огнем.
Грудью он народ защищал, он народным героем был.
И, сражаясь, в родной степи, он геройскою смертью пал.

Амангельды Иманову не удалось увидеть плоды своей борьбы за победу Советской власти, за счастливую жизнь своего народа, но в сердцах благодарных советских людей вечно будет жить память о нем.

Имя народного героя Амангельды носят совхозы, колхозы, предприятия, учебные заведения, район в Целинном крае. Сотни юношей и девушек получают путевку в жизнь в педагогическом институте имени Амангельды Иманова. Об Амангельды созданы кинофильмы, книги,

[1] «Вестник Академии наук КазССР», 1953, № 7, стр. 43.

народ слагает о нем песни. В сквере, на центральной улице прекрасной Алма-Аты, воздвигнут величественный памятник славному сыну казахского народа.

Но лучшим памятником батыру является замечательное сегодня Советского Казахстана, чудесной жемчужины в великом содружестве народов СССР.

Ключом бьет новая жизнь в местах, где отважные сарбазы во главе со своим легендарным командиром добывали счастье народу. Не та сейчас Тургайская степь. Колхозники и рабочие совхозов под руководством Коммунистической партии преобразили свой край, освоили громадные массивы целинных земель. Сотни тысяч голов овец, лошадей, крупного рогатого скота выращиваются в колхозах и совхозах Тургайской степи; десятки миллионов пудов хлеба и сотни тысяч центнеров мяса дают они ежегодно государству.

Но Тургай — это не только благодатный край для земледелия и животноводства, но и кладовая полезных ископаемых. Здесь уже действует одно из крупнейших предприятий железорудной промышленности страны — Соколовско-Сарбайский комбинат, сооружаются Качарский и Лисаковский горнообогатительные комбинаты, Тургайские бокситовые рудники.

Но самое большое богатство — это люди. Новое поколение, воспитанное партией,— дети и внуки сарбазов Амангельды Иманова — в годы Великой Отечественной войны совершило боевой подвиг, достойный великого батыра. Оно продолжает революционные традиции своих отцов. Каждый день нового Казахстана — это массовый трудовой подвиг во имя торжества коммунизма.

Оправдалась надежда соратника Амангельды Х. Токина, выраженная в стихах, написанных в тургайской тюрьме:

Собою жертвуя, мы твердо знали:
Зарю свободы встретит наш народ.
Нас вспомнив, в исторические дали
Он подвиг наш с любовью пронесет.

СОДЕРЖАНИЕ

Нурканов Аяп.

НАРОДНЫЙ БАТЫР. М., Госполитиздат, 1962. 64 с. (Герои и подвиги.)

9(С55)

Редактор *И. Маятников*

Художник *С. Сергеев*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *Ю. Мухин*

Сдано в набор 1 июня 1962 г. Подписано в печать 4 июля 1962 г. Формат 84×108 1/32. Физ. печ. л. 2. Условн. печ. л. 3,28. Учетно-изд. л. 3,27. Тираж 50 тыс. экз. А02596. Заказ № 3583. Цена 8 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

8 коп.

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1962